

С Даниэла СТИЛ

РОМАН ОБ ИЗМЕНЧИВОЙ ФОРТУНЕ

ПАЛОМИНО

Даниэла Стил Паломино

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11951776

Даниэла Стил. Паломино: Издательство «Э»; Москва; 2015

ISBN 978-5-699-83067-1

Оригинал: DanielleSteel, "PALOMINO"

Перевод:

Татьяна Л. Шишова

Аннотация

После развода и долгих месяцев депрессии Саманта Тейлор отправляется к подруге на ранчо, где обретает не только долгожданное спокойствие, но и влюбляется в красавца ковбоя. Но, не дав насладиться счастьем, жизнь бросает Саманте новый вызов. Падение с лошади навсегда приковывает девушку к инвалидному креслу. Хватит ли ей мужества, чтобы после очередного удара судьбы начать жизнь сначала?

Ранее книга выходила под названием «Саманта», но по решению автора название было изменено

Содержание

1	5
2	18
3	21
4	33
5	44
6	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Даниэла Стил Паломино

Тадеушу с любовью

*Скакать по холмам на прекрасном коне, мечтать о любви,
любоваться закатом – вот жизненный смысл. А если удастся любовь
обрести, то это блаженство почти неземное.*

© Шишова Т., перевод на русский язык, 2015

© ООО «Издательство «Э», 2015

1

Поднимаясь на порог своего дома на Восточной 63-й улице, Саманта прищурилась от резкого порыва ветра с дождем, который прямо на ходу превращался в снег. Ветер и дождь хлестали ее по щекам, ее лицо горело от обжигающих прикосновений, глаза слезились. Саманта тихонько сопела, как бы понукая себя, принуждая идти дальше, а когда остановилась перед дверью, то у нее вдруг перехватило дыхание: ключ упорно не желал поворачиваться в замке. Наконец дверь поддалась, и Саманта буквально ввалилась в теплый вестибюль. Она долго стояла там, стряхивая капли дождя со своих длинных пепельно-золотистых волос. Такой цвет встречается редко: казалось, серебряные нити перекрутили вместе с золотой канителью. В детстве Саманту звали Одуванчиком. Боже, как она ненавидела это прозвище! Но, повзрослев, оценила свои волосы по достоинству. И теперь, к тридцати годам, Саманта даже гордилась своими волосами, поэтому, когда Джон сказал ей, что она похожа на сказочную принцессу, она лукаво рассмеялась, и в ее голубых глазах заплясали задорные огоньки. Тонкие линии красивого лица изящными чертами контрастировали с полной грудью Саманты и мягкими округлостями бедер. Стройные длинные ноги росли, как говорится, «от шеи».

Саманта была женщиной тысячи контрастов: огромные искрометные глаза, такие пронизательные, подмечающие все вокруг, и – крупный, чувственный рот, узкие плечи, пышный бюст и длинные, грациозные руки. Она всегда очень точно подбирала слова, но говорила всегда мягким, тихим голосом. Тейлор почему-то часто представлял себе Саманту медлительной южанкой, томно развалившейся в шезлонге, в пеньюаре, отделанном перьями марабу. Однако она обожала джинсы и ходила вовсе не томно, а энергично, размашисто. Вообще жизнь, энергия били в ней ключом... но не сегодня вечером и не в предыдущие сто вечеров.

И вот теперь она выжидательно замерла – это уже столько раз случилось с конца августа! – и стояла, не шевелясь... дождевая вода стекала с волос Саманты, а она молча прислушивалась... Но к чему? Здесь больше никого не было. Она была в старом доме одна. Супруги, которым принадлежал этот дом, уехали на полгода в Лондон, оставив свою двухэтажную квартиру родственнику, а он в нее почти не заглядывал. Родственник был репортером «Пари-Матч» и проводил больше времени в Новом Орлеане, Лос-Анджелесе и Чикаго. Еще в доме имелась квартира на верхнем этаже. То были владения Саманты... Саманты... Да, теперь это только ее квартира, хотя когда-то она обитала здесь с Джоном, и они с такой любовью и заботой обставляли свое жилище. Здесь каждый дюйм дышит элегантностью, черт побери!.. Оставляя зонтик в прихожей, Саманта снова подумала о квартире, нахмурилась и медленно пошла вверх по лестнице. В последнее время она возненавидела возвращение домой и каждый день старалась приходить все позже и позже. Сегодня Сэм вернулась почти в девять вечера. Позднее, чем вчера... И при этом совершенно не проголодалась! С того дня, как она узнала печальную новость, у нее пропал аппетит...

– Что-что?... – Саманта в ужасе уставилась на Джона в тот знойный августовский вечер.

Кондиционер сломался, и воздух в комнате был тяжелый, неподвижный. Саманта встретила мужа на пороге в белых кружевных трусиках и открытом сиреневом лифчике.

– Да ты с ума сошел?

– Нет. – Он глядел на нее, и лицо у него было напряженным, деревянным.

Только сегодня утром они сплетались в любовных объятьях... И вдруг этот красавец блондин, похожий на викинга, стал таким... недосягаемым! Словно перед ней совершенно незнакомый человек...

– Я больше не могу лгать тебе, Сэм. Нельзя больше тянуть с признанием. Я уйду.

Какое-то время – Саманте показалось, что это длилось несколько часов, – она молча смотрела на Джона. Не может быть, чтобы он говорил серьезно! Нет, он, наверное, шутит... Но Джон не шутил. Самое ужасное было, что он не шутил! Джон говорил абсолютно серьезно. Саманта поняла это по выражению муки на его лице. Она медленно шагнула к мужу, но он покачал головой и отвернулся.

– Не надо... пожалуйста, не надо! – Его плечи дрогнули, и впервые с той минуты, как он завел этот разговор, Саманта прониклась к нему жалостью... Жалость была пронзительной, словно боль... Но с какой стати его жалеть? Почему? Как она может испытывать жалость к нему после того, как он сказал *такое*?

– Ты ее любишь?

Плечи, которыми она всегда любовалась, снова дрогнули. Джон ничего не ответил. Однако с каждым шагом Саманты по направлению к мужу жалость все больше отступала на задний план. Вместо нее в душе закипал гнев.

– Отвечай же, черт побери!

Она изо всей силы дернула его за руку, он обернулся и посмотрел ей в глаза.

– Наверное, да... Не знаю, Сэм. Я знаю только одно: мне надо на время уйти отсюда, чтобы я мог во всем разобраться.

Саманта отшатнулась и пошла в дальний конец комнаты, остановившись у самого края изысканного французского ковра; вытканые цветы, по которым ступали ее босые ноги, казались настоящими. Там были крошечные фиалки, и маленькие грязновато-красные розы, и множество более мелких цветочков, которые можно было рассмотреть только нагнувшись. Ковер производил впечатление картины, нарисованной пастелью и выдержанной в теплых розовато-красноватых и лиловых тонах; он служил как бы цветовым мостиком, соединявшим нежно-розовые, малиновые и глубокие грязно-зеленые тона мебели обивки в большой гостиной, стены которой были обшиты деревянными досками. Верхний этаж этого старинного дома находился в их распоряжении, и Саманта целых два года любовно обставляла квартиру прекрасной мебелью эпохи короля Людовика XV, которую они с Джоном вместе покупали в антикварных лавках и на аукционах Сотбис. Все вещи были французскими, в вазах постоянно стояли свежие цветы, картины Саманта выбирала исключительно кисти импрессионистов, и квартира производила впечатление элегантного европейского жилища. В то же время в ней, как считала Сэм, было уютно. Однако сейчас, когда Саманта стояла, повернувшись спиной к мужу, и с горечью думала, смогут ли они когда-нибудь стать такими же, как прежде, ей было не до красот интерьера. Ей казалось, что Джон внезапно умер... или все вдруг разбилось вдребезги и склеить обломки уже не удастся... И все это – из-за нескольких точно подобранных слов!

– Почему ты мне раньше не сказал? – Она повернулась к Джону, и ее лицо приняло обвиняющее выражение.

– Я... – начал было Джон, но продолжить не смог.

Он ничего не мог сказать, чтобы исправить положение и причинить как можно меньше боли женщине, которую когда-то так сильно любил. Но семь лет – большой срок. За это время они могли бы сродниться навсегда, однако этого не произошло, и год назад, когда по телевизору широко освещалась предвыборная кампания, он... он оступился. Сначала, когда они вернулись из Вашингтона, он искренне хотел покончить с этой историей! Честное слово, хотел! Но Лиз не отпустила его, и все продолжалось и здесь, в Нью-Йорке. Тянулось, тянулось и дотянулось до того, что теперь она заставила его таки плясать под свою дудку! Самым ужасным было то, что Лиз забеременела и не желала избавляться от ребенка.

– Я не знал, как сказать тебе это, Сэм, – пробормотал Джон. – Не знал... я думал...

– Плевать мне на то, что ты думал! – Она кричала на человека, которого знала и любила уже одиннадцать лет.

Они стали любовниками, когда ей было девятнадцать. Он был ее первым мужчиной, это случилось во время их учебы в Йельском университете. Джон был таким рослым, таким красивым блондином... звезда футбола, университетская знаменитость, баловень публики. Его все любили, в том числе и Сэм, она боготворила Джона с первого дня их встречи.

– А ты знаешь, что думала я, сукин сын? – закричала Саманта. – Я думала, ты мне верен, вот что! Я думала, что небезразлична тебе... А еще... – ее голос впервые дрогнул с тех пор, как Джон произнес роковые слова, – еще я думала, что ты меня любишь.

– Я тебя действительно люблю. – По щекам Джона медленно заструились слезы.

– Ах вот как? – Саманта уже плакала, не таясь; ей казалось, будто Джон вырвал сердце у нее из груди и швырнул его на пол. – Но тогда почему ты уходишь? Зачем ведешь себя как сумасшедший? Черт возьми, зачем ты сказал, когда я спросила, как у тебя дела: «У меня роман с Лиз Джонс, и я от тебя ухожу»?! – Саманта сделала несколько шагов по направлению к мужу, и в ее голосе зазвучали истерические нотки. – Ты можешь мне это объяснить? Кстати, давно ты с ней связался? Будь ты проклят, Джон Тейлор... Будь ты проклят...

Саманта не сдержалась и бросилась на Джона с кулаками, вцепилась ему в волосы, пыталась расцарапать лицо, но Джон легко справился с женой, завел ей руки за спину и повалил на пол, а потом сгрел в охапку и принялся укачивать, утешая, как ребенка.

– Мне так жалко, малыш...

– Жалко? – то ли усмехнулась, то ли всхлипнула Саманта, высвобождаясь из его объятий. – Ты меня бросаешь и при этом говоришь, что тебе «жалко»? О господи! – Саманта глубоко вздохнула и оттолкнула руки Джона. – Отпусти меня, черт побери!

Во взгляде Саманты сквозила жгучая боль, и Джон, увидев, что она немного успокоилась, не стал ее удерживать. Саманта все еще не могла отдышаться после недавней вспышки гнева, но бросаться больше на мужа не стала, а медленно подошла к темно-зеленой бархатной кушетке и села на нее. Саманта вдруг как-то съежилась и казалась совсем юной... густые светлые волосы свесились вниз, когда она уткнулась лицом в ладони... когда же Сэм наконец подняла голову, в ее глазах стояли слезы.

– Ты ее действительно любишь?

В это невозможно было поверить!

– Наверное, да, – медленно выговорил он. – Самое ужасное то, что я люблю вас обеих.

– Но почему? – Саманта глядела в пространство, почти ничего вокруг не замечая и совсем ничего не понимая. – Что мы с тобой сделали не так?

Джон сел на диван. Придется ей все-таки рассказать. Она должна знать. Зря он так долго скрывал от нее правду.

– Это началось в прошлом году, во время предвыборной кампании.

– И уже тянется столько времени? – Саманта широко раскрыла глаза, смахивая новые слезинки. – Целых десять месяцев, а я ничего не знала?

Джон кивнул, не произнося ни слова.

– Боже мой... – Саманта помолчала, потом с подозрением поглядела на мужа. – Но тогда почему ты признался сейчас? Почему тебе приспичило сказать мне об этом именно сегодня? Почему ты с ней не расстался? Не попытался сохранить семью? Ведь мы живем вместе уже восьмой год! Какого черта ты говоришь: «У меня роман, я ухожу»? Так-то ты ко всему этому относишься, да?

Она снова сорвалась на крик. Джон Тейлор ненавидел сцены, было ужасно, что приходится так поступать с Самантой, однако он понимал, что ничего не поделаешь. Ему придется уйти. У Лиз было то, чего ему так отчаянно хотелось, она обладала нужными ему качествами, именно такая женщина была ему необходима. Джон считал, что Саманта в чем-то очень похожа на него: они оба слишком открыты, порывисты и красивы. Ему нравились в Лиз рассудочность и обыкновенность, нравилось то, что у нее не такой блестящий ум, как у

Саманты, нравились ее спокойствие и готовность оставаться на заднем плане, в тени, помогая ему достичь вершин славы. Лиз служила для него прекрасным фоном, и поэтому они так прекрасно сработались. Когда они выступали по телевидению в программе новостей, то Джон был бесспорной звездой, и Лиз всячески способствовала этому. Джону это нравилось. Лиз была гораздо спокойней Саманты, да, конечно, она была не такой яркой и куда менее волнующей, но... в конце концов Джон пришел к выводу, что ему именно такая женщина и нужна! Рядом с ней он не нервничал, ему не надо было с ней состязаться. Он и так чувствовал себя лидером.

А теперь все еще больше усложнилось. Лиз забеременела, и Джон знал, что это его ребенок. А ребенка ему хотелось страстно. Джон мечтал о сыне, с которым можно будет играть, которого он будет любить, научит играть в футбол... Он всегда хотел детей, а Саманта не могла ему этого дать. Врачи три года пытались определить, в чем же все-таки причина, а затем уверенно заявили, что Саманта бесплодна. У нее никогда не будет детей.

– Почему именно сейчас, Джон? – Голос Саманты вернул Джона в реальность.

Джон покачал головой.

– Какая разница? Это не имеет значения. Все равно мне пришлось бы так поступить. Я должен был тебе признаться. А подобные признания всегда бывают некстати.

– Ты и правда хочешь, чтобы все это закончилось? – Саманта вела себя настырно и прекрасно это осознавала, но была не в силах сдержаться: она чувствовала, что должна расспросить его, ведь случившееся не укладывалось у нее в голове. Почему именно сегодня, в этот изматывающе знойный день, муж, вернувшись домой с телевидения, где он выступал с ежевечерним выпуском новостей, вдруг заявил, что он уходит от нее к другой? – Может, ты больше не будешь с ней встречаться, Джон?

Он покачал головой.

– Нет, Сэм, я не могу.

– Но почему? – Голос Саманты по-детски сорвался, и к глазам снова подступили слезы. – Что в ней такого особенного? Она же обыкновенная, скучная... ты всегда говорил, что она тебе не нравится... и что тебе противно с ней работать, и... – Саманта не могла больше продолжать.

Джон смотрел на нее и почти физически ощущал ее боль, словно его самого сейчас терзали.

– Я должен уйти, Сэм.

– Почему? – Увидев, что он направляется в спальню, намереваясь собрать вещи, Саманта совсем обезумела.

– Потому что должен, вот и все. Понимаешь, мне лучше сразу уйти, не мучить тебя.

– Пожалуйста, останься... – Страх, словно грозный хищник, закрался в ее душу. – Все уладится, мы с тобой договоримся... по-честному... пожалуйста... Джон...

По лицу Саманты струились слезы, и Джон, продолжавший укладывать свои пожитки, вдруг посуровел и стал держаться отчужденно. Казалось, он торопится уйти, пока силы не покинули его.

А потом он неожиданно обрушился на Саманту.

– Да прекрати же, черт побери! Прекрати! Саманта, пожалуйста...

– Что «пожалуйста»? Пожалуйста, не плачь, хотя от тебя уходит муж, с которым ты прожила семь лет... а если вспомнить наш роман в Йельском университете, когда мы еще не были женаты, то и все одиннадцать?! Или, пожалуйста, не заставляй меня мучиться угрызениями совести, хотя я бросаю тебя ради какой-то шлюхи? Ты это хочешь сказать, Джон? Хочешь, чтобы я пожелала тебе счастья и помогла собрать вещи? Боже, да ты всю мою жизнь разрушил! Чего тебе еще от меня надо? Понимания? Ну так ты этого не дождешься! Ты

ничего не дождешься от меня, кроме слез. А если нужно, я тебя буду умолять... Да-да, умолять, слышишь?..

С этими словами Саманта рухнула в кресло и снова разразилась рыданиями. Джон решительно захлопнул чемодан, в который наспех побросал полдюжины рубашек, пару трусов, две пары обуви и летний костюм. Вещи торчали из щелей, в руке Джон держал несколько галстуков. У него голова шла кругом. Он даже рассуждать здраво не мог, не то чтобы как следует уложить свое барахло!

– Я вернусь в понедельник, когда ты будешь на работе.

– Я не пойду на работу.

– Почему?

Саманта подняла на Джона глаза, увидела, какой он взъерошенный, с блуждающим взглядом, и тихонько рассмеялась сквозь слезы.

– Потому что от меня только что ушел муж, тупица, и я вряд ли найду в себе силы выйти в понедельник на работу. А ты что, возражаешь?

Джон даже не улыбнулся, выражение его лица нисколько не смягчилось. Он лишь виновато посмотрел на Саманту, кивнул и торопливо шагнул через порог. По дороге Джон выронил два галстука. Когда он ушел, Саманта подняла их и долго сжимала в руке, упав с рыданиями на диван.

С того августовского вечера она часто рыдала, повалившись на диван, однако Джон так и не вернулся. В октябре он устроил себе небольшие каникулы, уехал в Доминиканскую Республику, получил развод и через пять дней женился на Лиз. Теперь-то Саманте уже давно было известно, что Лиз беременна, но, когда она впервые услышала это известие, оно было для нее как острый нож в сердце. Однажды вечером Лиз объявила по телевизору на всю страну о том, что ждет ребенка, и Сэм была совершенно потрясена и шокирована. Так вот почему Джон ее оставил! Из-за ребенка... из-за младенца... из-за сына, которого она, Сэм, ему подарить не могла. Однако потом, постепенно Саманта поняла не только это.

В их отношениях было много такого, чего Саманта не замечала, не желала замечать, поскольку очень сильно любила Джона. Он с ней внутренне соперничал, болезненно реагировал на профессиональные успехи Сэм. Хотя Джон был одним из самых популярных телекомментаторов в стране и всюду, где бы он ни появился, за ним ходили толпы людей, умоляя дать им автограф, Джона, похоже, никогда не покидало чувство, что его успех эфемерен и в любой момент все это может кончиться. Он боялся, что его заменят кем-нибудь другим, что колебания рейтинга способны круто изменить его жизнь. У Сэм все было иначе. Она работала заместителем директора второго по величине рекламного агентства Америки; нельзя сказать, что Саманта чувствовала себя так уж уверенно, однако ее положение было более прочным, чем положение Джона. Профессия Саманты не гарантировала надежного заработка, и все же за ее плечами было столько успешно проведенных рекламных кампаний, что ветер перемен страшил ее гораздо меньше, чем Джона. Этой осенью, сидя дома в одиночестве, Саманта припоминала обрывки разговоров, припоминала то, что когда-то говорил ей Джон...

«О господи, Сэм, да ты в тридцать лет достигла таких высот! Черт возьми, у тебя с премиями выходит больше денег, чем у меня!»

Теперь Саманта понимала, что Джона уязвляло еще и это. Но что ей нужно было сделать? Уйти с работы? Но почему? А чем ей заниматься в такой ситуации? Детей у них не было, а усыновить кого-нибудь Джон отказывался наотрез.

«Это совсем не то, что собственный ребенок».

«Но он же станет твоим! Послушай, мы могли бы усыновить новорожденного, мы с тобой еще молоды и можем взять самого лучшего малыша. А дети так много значат для семьи, любимый, подумай об этом...»

Во время таких обсуждений ее глаза всегда сияли, а его блестели как лед, и он отрицательно качал головой. На все ее уговоры усыновить ребенка Джон неизменно отвечал отказом. Что ж, теперь ему не о чем беспокоиться. Через три месяца, так, кажется, он сказал, у него родится первенец. Его собственный ребенок. При мысли об этом Саманта вздрагивала, будто от удара.

Она постаралась не думать на эту тему, поднявшись на верхний этаж и отперев дверь своей квартиры. В последнее время здесь стоял затхлый запах. Окна были постоянно закрыты, в комнатах царил жара, растения в горшках засыхали, а Саманта даже не пыталась их спасти. И выбрасывать не выбрасывала. Все, все здесь было пронизано нелюбовью, квартира приобрела нежилой вид, словно сюда заходили только переодеться – и больше ничем тут не занимались. И так оно и было. Саманта с сентября перестала себе готовить, она лишь делала себе кофе. Завтраком Саманта пренебрегала, обедала обычно вместе с клиентами или с другими служащими компании «Крейн, Харпер и Лауб», а про ужин, как правило, забывала. Если же ее вдруг одолевал голод, то она покупала по дороге домой сэндвич и ела его прямо из вошеной бумаги, положив на колени и уставившись в телевизор, по которому показывали новости. Саманта с лета не доставала из буфета тарелок, и ее это нисколько не волновало. В последние месяцы она вообще не жила, а существовала, и порой ей казалось, что так будет продолжаться вечно. Мысли Саманты были только о том, что произошло: она вспоминала, как Джон сказал ей, что он уходит, думала, почему он ушел, и страдала из-за того, что он больше не принадлежит ей. Боль сменилась яростью, за яростью пришла тоска, за ней – снова негодование, и наконец к Дню благодарения Саманту настолько истерзали противоречивые чувства, что душа ее онемела. Саманта чуть было не завалила самую крупную рекламную кампанию, порученную ей за все время работы в агентстве, а за две недели до этого она зашла в кабинет, закрылась на ключ и упала ничком на диван. На мгновение ей показалось, что она сейчас забьется в истерике или потеряет сознание, а может... может, кинется к первому попавшемуся человеку и начнет плакаться в жилетку. Ведь она никому, абсолютно никому не нужна, никого у нее нет! Отец Саманты умер, когда она еще училась в колледже, мать жила в Атланте с мужчиной, которого она считала очаровательным (с чем Сэм, правда, не соглашалась). Он работал врачом и был напыщенным и жутко самодовольным типом. Но ничего, мама счастлива – и ладно!.. Все равно Саманта не была настолько близка со своей матерью, чтобы обратиться к ней в трудную минуту. Она даже о своем разводе сказала ей только в ноябре, когда мать позвонила Сэм по телефону и застала ее в слезах. Мать поговорила с Самантой ласково, но отношения их не стали от этого теплее. Слишком поздно... Теперь Саманте нужна была не мать, а муж, человек, с которым она в последние одиннадцать лет лежала по ночам рядом, делила радость и смех... человек, которого она любила и знала лучше, чем свое собственное тело... человек, рядом с которым она по утрам чувствовала себя счастливой, а по ночам – спокойной. И вот его с ней нет... При мысли об этом к глазам Саманты всегда подступали слезы и она впадала в отчаяние.

Но сегодня вечером усталая и замерзшая Саманта впервые почувствовала, что ей все равно. Она сняла пальто и повесила его в ванную сушиться, стянула с ног сапоги и провела щеткой по золотисто-серебряным волосам. Машинально посмотрелась в зеркало, толком не разглядев своего лица. С недавних пор она ничего не видела, глядя на себя в зеркало... ничего, кроме обтянутого кожей овала, двух тусклых глаз и копны длинных белокурых волос. Саманта принялась раздеваться и наконец скинула черную шерстяную юбку и черно-белую шелковую блузку, в которых она ходила на работу.

Сапоги, что Саманта сняла и бросила на пол, были куплены в парижском магазине «Селин», а шейный платок с черно-белым геометрическим рисунком – в «Гермесе». В ушах болтались массивные жемчужно-ониксовые серьги, волосы Саманта собрала в строгий пучок на затылке. Промокшее пальто, повешенное в ванной, было ярко-красного цвета.

Саманта Тейлор, даже убитая горем, была поразительно красивой женщиной или, как называл ее творческий директор агентства, «сногшибательной красоткой». Она повернула кран, и в глубокую зеленую ванну хлынула горячая вода. Когда-то в ванной стояло столько горшков с комнатными растениями, все пестрело цветами... Летом Саманте нравилось держать здесь анютины глазки, фиалки и герань. На моющихся обоях были нарисованы крошечные фиалочки, а французская сантехника изумляла своим изумрудно-зеленым цветом. Однако теперь вся эта красота потускнела. Как и убранство комнат. Домработница, приходившая к Саманте три раза в неделю, старалась поддерживать в квартире чистоту, но не могла вдохнуть в ее жилище любовь. Увы, любовь покинула этот дом, как она покинула саму Саманту, а вещи в квартире приобретают лоск только тогда, когда их касаются теплые, заботливые руки, когда на всех предметах лежит налет любви, которую женщины способны проявлять в множестве разных мелочей.

Наполнив ванну горячей дымящейся водой, Саманта медленно залезла в нее и легла, закрыв глаза. На миг ей показалось, будто она плавает в пустоте, где нет ни прошлого, ни будущего, ни страхов, ни забот... но затем настоящее понемногу вновь овладело ее мыслями. Работа, которой она была сейчас занята, безумно ее тяготила. Агентство лет десять мечтало заняться рекламой автомобилей, и вот теперь Саманте предстояло разработать эту тему. Она выступила с целой серией предложений: сказала, что можно оттолкнуться от изображения лошадей, снимать рекламные ролики за городом или на ранчо и привлечь к съемкам сельских жителей, это принесет в рекламу свежую струю. Но сердце ее оставалось равнодушным, и, понимая правду, Саманта спросила себя, как долго это может продолжаться. Сколько еще времени у нее будет ощущение какой-то внутренней поломки, нехватки чего-то важного... будто мотор работает, но машина никак не может переключиться с первой передачи на вторую? Она чувствовала страшную тяжесть, еле ползала, словно ее волосы, руки и ноги были налиты свинцом. Наконец Саманта вылезла из ванны, небрежно завязала длинные серебряные волосы узлом на затылке, аккуратно завернулась в большое сиреневое полотенце и, шлепая по полу босыми ногами, пошла в свою комнату. Ее спальня тоже производила впечатление сада: просторная старомодная кровать скрывалась за вышитым пологом, а на покрывале ярко желтели вытканые цветы. Вся комната была нарядной, желтенькой, все драпировки украшены оборочками. Когда Саманта обставляла квартиру, эта спальня пользовалась ее особой любовью, но теперь, лежа в ней ночь за ночью одна, Сэм ее возненавидела.

Нельзя сказать, чтобы никто из мужчин не пытался за ней приударить. Кое-кто пытался, но Саманта оставалась безучастной, чувство онемелости никак не покидало ее. Никто ей был не нужен, все безразлично. Казалось, доступ к ее сердцу перекрыт навсегда. Присев на краешек кровати, Саманта тихонько зевнула, вспомнила, что за весь день съела только сэндвич с яйцом и зеленым салатом, а завтрак и ужин пропустила... и вдруг подпрыгнула от неожиданности, услышав, что кто-то позвонил во входную дверь внизу. Сперва Саманта решила не открывать, но, услышав второй звонок, отбросила полотенце и, поспешно схватив бледно-голубой стеганый атласный халат, побежала к домофону.

– Кто там?

– Джек-потрошитель. Можно войти?

На какую-то долю секунды голос показался Саманте незнакомым – в переговорном устройстве раздавались помехи, искажавшие его звучание, – но внезапно она рассмеялась и стала похожа на себя прежнюю. Глаза вспыхнули, после принятой горячей ванны на щеках все еще играл здоровый румянец. Так молодо она давно не выглядела.

– Что ты там делаешь, Чарли? – крикнула Саманта в домофон, висевший на стене.

– Отмораживаю себе задницу. Так ты меняпустишь или нет?

Саманта снова рассмеялась и поспешила нажать кнопку. В следующее мгновение на лестнице раздались шаги. Появившийся на пороге Чарльз Петерсон напоминал скорее лесо-

руба, нежели художественного руководителя агентства «Крейн, Харпер и Лауб». Да и тридцати семи лет на вид ему никак нельзя было дать, он выглядел года на двадцать два. У Чарльза были смеющиеся карие глаза, круглое мальчишеское лицо, всклокоченные темные волосы и густая борода, в которой сейчас блестели капли дождя.

– У тебя есть полотенце? – спросил он, запыхавшись не столько от быстрого подъема по лестнице, сколько от холода и от дождя.

Саманта торопливо принесла ему толстое лиловое полотенце из ванной; он снял плащ и вытер лицо и бороду. На голове Чарльза была большая кожаная ковбойская шляпа, с которой стекали на французский ковер ручейки воды.

– Ты опять решил сделать лужу на моем ковре, Чарли?

– Ну, если уж на то пошло... ты меня угостишь кофе?

– Конечно!

Сэм подозрительно покосилась на Чарльза. Уж не случилось ли чего плохого? За время их знакомства он пару раз заходил к ней домой, но лишь по какому-нибудь важному делу.

– Ты хотел мне что-то сказать по поводу новой рекламы? – Саманта озабоченно выглянула из кухни, но Чарльз ухмыльнулся и, покачав головой, подошел к ней.

– Нет. С этим все в порядке. Ты уже целую неделю идешь по верному следу. Реклама получится потрясающей, Сэм.

Саманта ласково улыбнулась ему и принялась варить кофе.

– Я тоже так думаю.

Они обменялись теплыми улыбками. Сэм и Чарльз дружили вот уже пять лет: они провели бесчисленное множество рекламных кампаний, завоевывали призы, подшучивали друг над другом и засиживались на работе до четырех часов утра, готовясь на следующий день представить выполненную работу заказчику. Сэм и Чарльз считались подчиненными Харви Максвелла, номинального художественного руководителя фирмы. На самом деле Харви давно устранился от дел. Он переманил Чарльза к себе из одного агентства, а Саманту – из другого. Найдя себе замену, Харви познакомил их с хорошими людьми. Поставив во главе творческой группы Чарли и Саманту, Харви с радостью отошел в тень и наблюдал за их работой издали. Через год он должен был уйти на пенсию, и все вокруг, включая и саму Саманту, не сомневались, что она займет его место. Что ж, стать творческим директором в тридцать один год вовсе не плохо!

– Так что у нас новенького, дружок? Я тебя с утра не видела. Что там с рекламой Вертсмейера?

– Да ничего, – отмахнулся Чарли. – Что можно сделать для владельца крупнейшего универмага Сент-Луиса, если у него полно денег, но совершенно нет вкуса?

– А если разработать тему лебедей? Помнишь, мы говорили об этом на прошлой неделе?

– Нет, они приняли эту идею в штыки. Им нужно что-нибудь эдакое. А в лебедях ничего особенного нет.

Сэм присела к большому разделочному столу, а долговязый Чарли уселся напротив нее на стул. Саманта никогда не испытывала влечения к Чарли Петерсону, хотя за прошедшие годы они и работали вместе, и ездили в командировки, и спали рядом в самолетах, и часами болтали. Он был ей братом, задушевым другом, товарищем. У Чарли была жена, которую Саманта очень любила. Мелинда идеально подходила ему. Она завесила стены их большой гостеприимной квартиры на Восточной 81-й улице коврами и поставила в комнатах плетеные корзинки. Мягкая мебель была обтянута тканью темно-бордового цвета, и повсюду, куда ни брось взгляд, стояли прелестные вещицы, скромные сокровища Мелинды, которые она сама находила и приносила домой. Чего тут только не было – от экзотических морских раковин, которые они с Чарльзом вместе собирали на Таити, до идеально гладкого шарика, позаимствованного Мелиндой у сыновей. Сыновей у Мелинды и Чарльза было трое, и все они

пошли в отца. Еще в хозяйстве имелся громадный невоспитанный пес по кличке Дикарь и большой желтый джип, на котором Чарли ездил вот уже десять лет подряд. Мелинда тоже занималась искусством, но на службу не ходила, деловому миру не удалось «совратить» ее. Она работала в мастерской и за последние годы дважды устраивала выставки, которые прошли с успехом. Мелинда во многом отличалась от Саманты, и все же в них было и нечто общее: под внешней бравадой скрывалось мягкое обаяние, которое так нравилось Чарли. По своему он тоже любил Саманту, и его до глубины души возмутило, что Джон так поступил с ней. Вообще-то Чарльз всегда недолюбливал Джона, считая его эгоцентричным болваном. Поспешный разрыв Джона с Самантой и его женитьба на Лиз Джонс лишней раз доказывали правоту Чарльза: во всяком случае, он воспринял это именно так. Мелинда пыталась понять обе стороны, но Чарли даже слышать о Джоне не желал. Он слишком волновался за Сэм. За последние четыре месяца она совсем расклеилась, это было очевидно. Работа шла вкривь и вкось. Глаза помертвели. Лицо стало изможденным.

– Ну, так что, мадам? Надеюсь, вы не возражаете против моего прихода в столь поздний час?

– Нет, – Саманта улыбнулась, наливая Чарли кофе. – Я просто гадаю, что могло привести тебя ко мне. Решил явиться с проверкой?

– Возможно, – глаза Чарли ласково засветились. – Неужели ты против, Сэм?

Она грустно посмотрела на Чарльза, и ему захотелось обнять ее.

– Ну, что ты! Это же здорово, что кому-то есть до меня дело.

– Мне, во всяком случае, есть. И Мелли тоже.

– Как она поживает? Хорошо?

Чарльз кивнул. На работе им было некогда говорить об этом.

– Да, все о'кей.

Чарльз уже начал сомневаться, удастся ли ему сказать Саманте то, что он собирался. Разговор предстоял нелегкий, она могла и обидеться...

– И все-таки в чем дело? Что случилось? – Саманта вдруг посмотрела на него с усмешкой. Чарли попытался сделать невинную мину, но она дернула его за бороду. – Ты что-то скрываешь, Чарли. Признавайся!

– С чего ты взяла?

– На улице льет как из ведра, холод собачий, сегодня пятница, вечер, тебе бы сидеть сейчас дома со своей милой, уютной женушкой и тремя очаровательными детишками. Как-то не верится, что ты явился сюда только просто так, на чашечку кофе.

– А почему бы и нет? Ты еще очаровательней моих детей. Но вообще-то... – Чарльз немного поколебался, – вообще-то ты права. Я зашел не просто так. Мне хотелось поговорить с тобой.

О господи, какой кошмар! Ну, как ей сказать? Чарльзу вдруг стало ясно, что она его не поймет.

– О чем? Ну, не тяни же!

В глазах Саманты сверкнули лукавые искры, которых Чарльз так давно не видел.

– Видишь ли, Сэм... – Чарли глубоко вздохнул и пристально посмотрел на Саманту. – Мы с Харви тут поговорили и...

– О ком? Обо мне? – Саманта напряглась, однако Чарли спокойно кивнул.

Она теперь терпеть не могла, когда о ней говорили. Ведь это означало только одно: что люди обсуждают ее нынешнее состояние и поступок Джона.

– Да, о тебе, – подтвердил Чарльз.

– В какой связи? Вы обсуждали заказ из Детройта? Я не уверена, что клиент понял мое предложение, но...

– Нет, мы говорили не о детройтском заказе, Сэм. Мы говорили О ТЕБЕ.

– А что обо мне говорить?

Надо же, а она считала, что все уже кончилось, люди перестали о ней судачить. Говорить-то больше не о чем! Они разъехались, Джон получил развод и женился на другой. Она, Саманта, пережила это. Так что еще тут обсуждать?

– Со мной все в порядке.

– Вот как? Удивительно! – По взгляду Чарльза было ясно, что он сочувствует Саманте и до сих пор злится на Джона. – Я, например, на твоём месте вряд ли мог бы так ответить, Сэм.

– У меня нет выбора. И потом, у меня более сильный характер, чем у тебя.

– Наверное, – Чарльз усмехнулся. – Но, может, не такой сильный, как ты полагаешь.

Почему бы тебе не взять отпуск, Сэм?

– Для чего? Чтобы поехать в Майами и позагорать на пляже?

– А почему бы и нет? – Чарльз натянуто улыбнулся.

Саманта была явно шокирована.

– На что ты намекаешь? – В ее голос стремительно закрадывался панический ужас. – Харви что, меня увольняет? Да? Он послал тебя в качестве палача, Чарли? Меня не желают больше терпеть на работе, потому что я утратила жизнерадостность? – Стоило Саманте задать эти вопросы, как ее глаза наполнились слезами. – Господи, а чего вы ждали? Мне пришлось нелегко... это было...

Слезы начали душить ее, и Саманта торопливо вскочила на ноги.

– Но теперь все о'кей, черт побери! Я в прекрасной форме. Какого дьявола...

Однако Чарли схватил ее за руку и снова усадил за стол, не сводя с Саманты ласкового взгляда.

– Не волнуйся, детка. Ничего страшного.

– Он меня увольняет? Да, Чарли?

По щеке Саманты покатила одинокая, печальная слеза. Но Чарли Петерсон покачал головой.

– Нет, Сэм. Конечно, нет!

– Тогда в чем же дело?

Но она и так уже знала. Без него.

– Харви хочет, чтобы ты на какое-то время уехала, успокоилась. Что касается детройтского заказа, то ты оставишь нам хороший задел. А старику не повредит, если он для разнообразия немного поработает. Мы вполне справимся без тебя, сколько понадобится.

– Но в этом нет необходимости! Это же глупо, Чарли!

– Неужели? – Он сурово и пристально поглядел на Саманту. – Неужели глупо, Сэм? Ты считаешь себя способной спокойно вынести такой страшный удар? Думаешь, это ерунда – смотреть каждый вечер по телевизору, как муж, который тебя бросил, болтает со своей новой женой? Как у нее растёт живот? Неужели ты действительно считаешь, что не сорвешься? Черт побери, ты каждый день ходишь на работу да еще настаиваешь, чтобы тебе передавали все новые заказы! Нет, рано или поздно ты сломаешься, я уверен! Как ты можешь так себя истязать, Сэм? Я, во всяком случае, не могу! Не могу так поступать с тобой, ведь я твой друг! Этот сукин сын тебя чуть не поставил на колени, черт побери! Не нужно сдерживаться, тебе надо выплакаться, поезжай куда-нибудь, выплесни свое горе и вернись. Ты нам нужна. Очень! И Харви, и я, и ребята в отделе – все это знают, и ты знаешь не хуже нас, но нужна ты нам здоровой, не сломленной и не сумасшедшей, а если ты не сбросишь сейчас этот страшный груз, то дело кончится плохо.

– Значит, ты считаешь, что у меня нервный срыв, да? – Саманта поглядела на Чарли потрясенно и обиженно, но он покачал головой.

– Разумеется, нет. Но, черт возьми, через год это вполне может случиться! Попытаться избыть горе нужно сейчас, Сэм, а не потом, когда боль запрячется так глубоко внутрь, что ты ее и не обнаружишь.

– Но я живу с этим уже довольно долго. Целых четыре месяца!

– И это тебя убивает, – Чарли говорил категорично, и Саманта не стала с ним спорить.

– Ну и что сказал Харви? – В ее глазах, встретившихся с глазами друга, затаилась печаль.

У Саманты возникло чувство, будто она не смогла с честью выйти из положения... будто у нее была такая возможность, но она ее не использовала.

– Он хочет, чтобы ты уехала.

– Куда? – Саманта смахнула со щеки слезу.

– Куда хочешь.

– На сколько?

Чарли поколебался всего мгновение.

– На три-четыре месяца.

Они решили, что, пока у Лиз и Джона не родится ребенок, разрекламированный на всю страну, Саманте лучше не появляться в Нью-Йорке. Чарли знал, какой это для нее удар, они с Харви много говорили об этом за ленчем, но все равно ни один из них не был готов к тому, что на лице Сэм появится такое выражение. Она смотрела на Чарли с жутким недоверием, шокированно, чуть ли не в ужасе.

– ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА? Ты в своем уме? А как же наши клиенты? Как, черт возьми, моя работа? О господи, я гляжу, ты все предусмотрел, да? В чем дело? Ты нацелился на мое место, так? – Саманта снова выскочила из-за стола и метнулась в сторону, но Чарльз бросился за ней и с огромной печалью заглянул ей в глаза.

– Твою работу у тебя никто не отнимет, Сэм. Но ты должна сделать так, как мы говорим. Нельзя себя больше истязать. Тебе нужно уехать. Уехать из этой квартиры, из офиса, может быть, даже из Нью-Йорка. Знаешь, что мне пришло в голову? Позвони-ка той женщине из Калифорнии, что тебе так понравилась, и поезжай к ней в гости. А когда боль отступит и ты вновь почувствуешь себя среди живых, то вернешься. Тебе это будет страшно полезно, поверь!

– Про какую женщину ты говоришь? – недоуменно воззрилась на Чарли Саманта.

– Ты мне про нее рассказывала давно. Это женщина с ранчо... Кэрл... Кэрин... точно не помню. Пожилая женщина, тетя девушки, с которой ты жила в одной комнате, когда училась в колледже. У меня создалось впечатление, что эта девушка была твоей лучшей подругой.

Верное впечатление. Барби действительно была для нее самым близким человеком, не считая Джона, и они действительно жили в одной комнате, когда учились в колледже. Барби погибла через две недели после окончания учебы: ее самолет разбился над Детройтом.

В глазах Саманты внезапно засияла теплая улыбка.

– Тетя Барби... Кэрлайн Лорд!.. Она замечательная женщина. Но зачем, скажи на милость, мне туда ехать?

– Ты же любишь верховую езду, да?

Саманта кивнула.

– Ну так это вполне подходящее место. Трудно придумать что-нибудь другое, настолько же далекое и отличное от Медисон-стрит. Вдруг это именно то, что тебе сейчас нужно: отложить на время в сторону модные деловые костюмы и пощеголять в соблазнительно облегчающих джинсах, побегать за ковбоями?

– Только этого мне не хватало!

Однако предложение Чарли задело в ее душе какие-то струны. Саманта уже очень давно не видела Кэролайн. Джон и Саманта немного поехали к ней в гости и перестали: ранчо находилось в трех часах езды на северо-восток от Лос-Анджелеса, и Джону там очень не нравилось. Он не любил лошадей, чувствовал себя на ранчо неуютно и считал, что Кэролайн и ее помощник косо поглядывают на него, недолголюбивая за городские манеры. Наездником он был никудышным. В отличие от Саманты, которая с детства умела изящно сидеть в седле. На ранчо был дикий жеребец, и Саманта, к ужасу Кэролайн, уселась на него верхом. Жеребец раз шесть сбрасывал ее на землю, но ей все было нипочем, и она снова пыталась его объездить. Ее ловкость сразу же произвела огромное впечатление на Джона. Да, то были счастливые минуты в жизни Саманты. Теперь, когда она подняла глаза и посмотрела на Чарли, они казались далеким прошлым.

– Я даже не уверена, что она захочет меня приютить. Не знаю, Чарли. Ну почему вы не оставите меня в покое и не дадите мне закончить работу?

– Потому что мы тебя любим, а ты подрываешь свое здоровье.

– Ничего подобного, – Саманта храбро улыбнулась, но Чарли медленно покачал головой.

– Сэм, что бы ты сейчас ни говорила, это бесполезно. Харви принял решение.

– Насчет чего?

– Насчет твоего отпуска.

– Это точно?

По лицу Саманты вновь стало понятно, что она шокирована, а Чарли вновь кивнул головой.

– Так же точно, как то, что сегодня пятница. Он предоставляет тебе возможность отдохнуть три с половиной месяца. Если захочешь, можешь растянуть отпуск до полугода.

Чарльз и Харви позвонили на радиостанцию, чтобы выяснить примерную дату родов Лиз, и приплюсовали к этому сроку еще две недели.

– А я не потеряю работу?

– Нет. – Чарли не спеша вынул из кармана письмо и протянул его Саманте. Письмо было от Харви. Он обещал не увольнять Саманту, даже если она не появится в конторе в течение полугода. В рекламном бизнесе это было нечто из ряда вон выходящее, но Харви заявил в письме Саманте Тейлор, что «другой такой сотрудницы нет».

Сэм грустно посмотрела на Чарли.

– Значит ли это, что я с сегодняшнего дня в отпуске?

Ее нижняя губа дрожала.

– Да, леди, именно так. С этой минуты вы можете отдыхать. Проклятье, хотел бы я оказаться на твоём месте!

– О господи! – Саманта рухнула на стул и прикрыла лицо рукой. – Ну и что мне теперь делать, Чарли?

Он ласково дотронулся до ее плеча.

– То, что я тебе сказал, малышка. Позвони своей старой знакомой на ранчо.

Это была безумная идея, но после ухода Чарли Саманта все равно принялась размышлять над своими планами. Она легла в постель, так и не выйдя из состояния шока. В ближайшие три-четыре месяца она будет без работы... Ехать ей некуда, делать нечего, видеть ничего и никого неохота. Впервые за свою сознательную жизнь Саманта совершенно не знала, что будет дальше. Ей лишь оставалось встретиться на следующее утро с Харви и сдать ему дела, после чего она могла отправляться на все четыре стороны. И вдруг, лежа в темноте, испуганная Саманта тихонько хихикнула. Да это полное сумасшествие! Куда ей себя деть, черт побери? Чем она будет заниматься до 1 апреля? День дураков... вот так разыграли тебя, дуреха! Может, поехать в Европу? Или в Австралию? А что, если навестить маму в

Атланте? На мгновение Саманта ощутила необычайную свободу, какой никогда еще не ощущала раньше. Когда она окончила Йельский университет, у нее уже был Джон и приходилось думать о нем. Теперь же ей не о ком было заботиться. А потом, повинуясь внезапному порыву, Сэм нашарила в потемках записную книжку и решила последовать совету Чарли. Она зажгла свет и, раскрыв книжку на букве «Л», легко отыскала нужный телефон. Девять тридцать, Калифорния... Саманта надеялась, что еще не поздно, хозяйка не легла спать.

На втором звонке трубку сняли, и Саманта услышала знакомый прокуренный голос Кэролайн Лорд. Сэм принялась путано что-то объяснять, Кэролайн сочувственно молчала, и наконец у Саманты вдруг вырвался горестный всхлип. И в тот же миг показалось, что она вернулась... вернулась в дом к старому, доброму другу. Пожилая женщина слушала ее, слушала с неподдельным участием! От этого веяло давно забытым покоем... Повесив спустя полчаса трубку, Сэм еще долго лежала, уставившись на полог у себя над головой, и недоумевала. Может, она и вправду сошла с ума? Ведь она только что пообещала завтра же вылететь в Калифорнию!

2

Для Саманты то было совершенно безумное утро: она упаковала два чемодана, обзвонила множество самолетных агентств, оставила записку и чек женщине, которая приходила прибираться в ее квартире, и постаралась закрыть дом на все замки, которые там имелись. Затем взяла чемоданы, поймала такси и поехала в офис, где отдала Чарли ключи и пообещала прислать его сыновьям рождественские подарки с побережья. После чего Саманта два с лишним часа беседовала с Харви и отвечала на его вопросы.

– Послушайте, Харви, вы зря все это затеяли. Я вовсе не этого хочу! – выпалила Саманта, ловя взгляд Харви в конце прощальной встречи.

Он спокойно посмотрел на нее поверх массивного хромированного стола с мраморной крышкой.

– Речь идет не о твоих желаниях, а о том, что тебе необходимо, Сэм. Неважно, понимаешь ты это или нет. Ты уезжаешь куда-нибудь?

Харви был высоким сухопарым мужчиной с посеребренными сединами волосами, которые он носил коротко подстриженными, как носят моряки. Харви любил белые рубашки «Брукс Бразерс» и костюмы в полоску; он курил трубку и внешне был типичным банкиром, глядящим на мир стальными серыми глазами, однако на самом деле обладал блестящим умом, был творческой личностью и прекрасным человеком, каких мало. В каком-то смысле он заменил Саманте отца, и, если разобраться, в том, что он отправлял ее в отпуск, не было ничего удивительного. Однако за все утро они ни словом не обмолвились о ее планах, а говорили исключительно о делах.

– Да, я уезжаю.

Саманта, сидевшая по другую сторону внушительно-грозного стола, улыбнулась Харви. Она прекрасно помнила, как в самом начале работы в агентстве трепетала перед Харви и как потом, с годами, начала его уважать. Впрочем, насколько она знала, уважение было обоюдным.

– Вообще-то, – Саманта взглянула на часы, – мой самолет через два часа уже вылетает.

– Тогда какого черта ты торчишь в конторе?!

Харви вынул изо рта трубку и ухмыльнулся, однако Сэм секунду поколебалась и спросила, не поднимаясь с места:

– Вы уверены, что я смогу вернуться сюда на работу, Харви?

– Клянусь! Ты получила мое письмо? – Саманта кивнула. – Это хорошо, – продолжал Харви. – Теперь, в случае чего, ты сможешь подать на меня в суд.

– Я не хочу судиться. Я хочу вернуться на рабочее место.

– Ты вернешься. И может быть, даже займешь мое кресло.

– Я могла бы вернуться через пару недель, – осторожно произнесла Саманта, однако Харви покачал головой, и глаза его моментально перестали улыбаться.

– Нет, Сэм. Ты вернешься первого апреля – и точка.

– На это есть какие-то особые причины?

Харви не хотелось ей объяснять, поэтому он снова покачал головой.

– Нет, просто мы выбрали эту дату. Я буду писать тебе, буду держать в курсе того, что тут происходит, а ты сможешь звонить мне в любое время. Моя секретарша знает, где тебя искать?

– Пока нет, но я ей скажу.

– Отлично. – Харви обошел вокруг стола и, не говоря больше ни слова, притянул Саманту к себе. Потом поцеловал в макушку. – Выше нос, Сэм. Мы будем по тебе скучать, – грубовато сказал Харви.

На глаза Саманты навернулись слезы, она прижалась к нему еще на миг и бросилась к двери. На какую-то долю секунды Саманте опять показалось, будто ее выгоняют, и она чуть было не принялась в панике умолять Харви, чтобы он позволил ей остаться.

Однако, выйдя из кабинета Харви, Саманта увидела Чарли, который поджидал ее в коридоре; он ласково обнял ее за плечи.

– Ну что, детка? Ты готова ехать?

– Нет, – Саманта улыбнулась сквозь слезы и, шмыгнув носом, уткнулась в бок Чарли.

– Ничего, скоро будешь готова.

– Да? Почему ты так уверен? – Они медленно шли в сторону ее кабинета, и Саманте больше чем когда-либо хотелось остаться. – Это чистое безумие. Разве ты не понимаешь, Чарли? Ведь у меня столько работы, нужно проводить рекламные кампании, я не имею права...

– Сэм, ты, конечно, можешь протестовать, если тебе хочется, но все будет без толку, – Чарли взглянул на часы. – Через два часа я посажу тебя в самолет.

Саманта резко остановилась и воинственно посмотрела на него. Чарли не смог сдержать улыбку. Саманта была сейчас похожа на красивую и ужасно избалованную девчонку.

– А если я не сяду в самолет? Что будет, если я откажусь ехать?

– Тогда я выволоку тебя отсюда и полечу вместе с тобой.

– Мелли это не понравится.

– Напротив, она будет в восторге! Мелли уже целую неделю просит меня куда-нибудь смыться, говорит, что я ей осточертел.

Чарли тоже остановился, не сводя глаз с Саманты.

Ее губы медленно растянулись в улыбке.

– Значит, мне не удастся тебя переубедить?

– Нет. Ни меня, ни Харви. Сэм, нам совершенно не важно, куда ты уедешь, но ты непременно должна уехать, черт побери! Ради твоего же блага! Неужели тебе самой не хочется? Уехать от расспросов, от воспоминаний, от вероятности столкнуться с... ними?

Когда Чарли произносил последнее слово, в его голосе зазвучала боль. Саманта пере-дернула плечами.

– Какая разница, уеду я или нет? Стоит мне включить в Калифорнии телевизор, и я их увижу. Обоих. И у них будет такой вид, словно...

Глаза ее наполнились слезами при одном лишь воспоминании об этих лицах, которые каждый вечер, как магнит, притягивали ее к себе. Она каждый вечер смотрела на них, а потом ненавидела себя за это, хотела переключить телевизор на другой канал, но не могла пошевелить рукой.

– Черт, не знаю, но у меня такое впечатление, что они прямо созданы друг для друга, правда? – Ее лицо неожиданно превратилось в печальную маску, и по щекам покатались слезы. – Мы вместе так не смотрелись, да? Я хочу сказать, что...

Но Чарли не поддержал этот разговор, а лишь привлек ее к себе.

– Все хорошо, Сэм. Все хорошо, – пробормотал он, и когда она тихонько заплакала, уткнувшись ему в плечо и не обращая внимания на взгляды шмыгавших мимо них секретарш, убрал с ее лба длинную прядь волос и снова улыбнулся. – Поэтому тебе и нужно отдохнуть. По-моему, это называется эмоциональным истощением. Неужели ты сама не замечала, что у тебя нервы не в порядке?

Саманта что-то недовольно проворчала, а потом рассмеялась сквозь слезы.

– Вот, значит, как это называется? Понятно... – Она отодвинулась от Чарли, вздохнула и вытерла глаза. – Наверно, ты прав, мне действительно пора в отпуск. – Хорохорясь, она тряхнула головой, поправила волосы, упавшие на плечи, и попыталась вызывающе поглядеть на друга. – Но совсем по другой причине. Просто вы, гады, меня доконали.

– Ты абсолютно права! И когда вернешься, мы тебе опять не будем давать покоя. Так что наслаждайся пока свободой, лошадица...

Кто-то вдруг положил им руки на плечи. Сэм и Чарли обернулись.

– Ты еще здесь, Саманта? – это был Харви; глаза его ярко блестели, в зубах он сжимал трубку. – А я думал, тебе надо успеть на самолет.

– Ага, надо, – Чарли с ухмылкой покосился на Саманту.

– Тогда умоляю, отвези ее в аэропорт! Пусть она наконец уберется отсюда! Нам надо работать, – проворчал, улыбнувшись, Харви, взмахнул трубкой и скрылся в другом коридоре. Чарли же снова посмотрел на Саманту и увидел, что она смущенно улыбается.

– Вообще-то тебе вовсе не обязательно сажать меня в самолет.

– Вот как?

Саманта в ответ кивнула, однако на самом деле ей было уже не до творческого директора: она смотрела на свой кабинет так, словно видела его в последний раз. Чарли поймал ее взгляд и потянулся к пальто и чемоданам.

– Ладно, пошли, пока ты меня не разжалобила. А то опоздаешь на самолет.

– Слушаюсь, сэр.

Чарли шагнул через порог и выжидательно замер. Саманта, немного поколебавшись, тоже сделала два шага. Потом глубоко вздохнула и, в последний раз окинув взглядом комнату, тихо прикрыла за собой дверь.

3

Полет проходил без приключений. Земля, проплывавшая внизу, казалась стеганным лоскутным одеялом. Темно-бурые поля, напоминавшие буклированную ткань, перемежались с участками белого снега, похожими на бархат, а когда самолет достиг Западного побережья и внизу стали проплывать озера, леса и поля, появились как бы куски блестящего темно-зеленого и голубого атласа. Наконец самолет, словно приветствуемый ослепительно яркими лучами заходящего солнца, приземлился в Лос-Анджелесе.

В очередной раз посмотрев в иллюминатор, Саманта потянулась, распрямляя длинные ноги и затекшие руки. Большую часть полета она проспала и теперь, выглянув на улицу, не понимала, с какой стати ей вздумалось приехать сюда. Какой смысл был лететь в Калифорнию? Что она тут забыла? Поднявшись с кресла и тряхнув белокурыми волосами, собранными в «конский хвост», Саманта подумала, что зря она сюда явилась. Ей уже не девятнадцать. Глупо приезжать на ранчо и изображать лихую наездницу. У нее есть обязанности, вся ее жизнь сосредоточена вокруг Нью-Йорка. А что у нее здесь? Ничего! Вообще ничего!

Саманта со вздохом посмотрела на пассажиров, которые направлялись к выходу из самолета, застегнула пальто, взяла дорожную сумку и встала в очередь. На Саманте были темно-коричневая дубленка с подкладкой из овечьего меха, джинсы и кожаные сапоги шоколадного цвета фирмы «Селина». Сумка, которую Саманта держала в руках, была подобрана точно в тон, на ручке алел шарф; Саманта взяла его и свободно повязала на шею. Даже озабоченно нахмурившаяся, кое-как одетая, Саманта оставалась поразительно красивой женщиной, и когда она медленно проходила по огромному самолету, мужчины поворачивали головы в ее сторону. Хотя полет продолжался пять часов, никто из них ее не заметил раньше, потому что она лишь однажды встала с кресла, да и то чтобы умыться перед поздним ленчем, который подали пассажирам стюардессы. Все остальное время Саманта сидела на своем месте, онемевшая, усталая, дремала и пыталась вновь и вновь понять, почему она позволила так с собой поступить, почему дала заморочить себе голову.

– Желаем приятно провести время. Спасибо, что воспользовались услугами нашей авиакомпании... – Выстроившиеся в ряд стюардессы хором произносили шаблонные фразы, и Саманта улыбнулась им в ответ.

Через несколько мгновений она уже стояла в аэропорту Лос-Анджелеса и, растерянно оглядываясь, не могла понять, куда теперь идти, кто ее встретит и встретит ли кто-нибудь вообще. Кэролайн сказала, что в аэропорт, наверное, придет ее помощник Билл Кинг, а если он окажется в это время занят, Саманту встретит какой-нибудь другой работник. «Ты только посмотришь и сразу увидишь их, в этом аэропорту их не заметить просто невозможно». И пожилая женщина тихонько рассмеялась. Сэм – за ней. Да, в аэропорту, среди людей в самых умопомрачительных нарядах от Вьюттона и Гуччи, среди женщин в экстравагантных золотистых и серебряных босоножках из тончайших ремешков, в небрежно брошенных норковых и шиншилловых шубах, соседствующих с маечками-бикини и рубашками, расстегнутыми до пупа, легко будет распознать парня с ранчо, ведь он наверняка будет в «стетсоне», ковбойских сапогах и джинсах. Но главное даже не костюм; этих парней легко вычислить по их манере двигаться, по походке, по сильному загару и по тому, как они неуютно себя чувствуют среди разряженной, рафинированно-декадентской толпы. По своим предыдущим посещениям ранчо Саманта знала, что в парнях, работавших там, нет ничего декадентского. Это были крепкие, добродушные трудяги, которые любили свое дело и ощущали какую-то почти мистическую связь с землей и с животными, за которыми они так заботливо ухаживали. Саманта всегда уважала таких людей, хотя они разительно отличались от привычной ей нью-йоркской среды. Очутившись в здании аэропорта, где, как всегда бывает в аэропор-

тах, царил хаос, она внезапно подумала, что, как только ее довезут до ранчо, она будет рада своему приезду. В конце концов, может быть, ей действительно нужно именно это!

Саманта оглянулась, ища надпись «Выдача багажа», и тут на ее плечо легла чья-то рука. Она вздрогнула, повернула голову и увидела высокого широкоплечего старого ковбоя с обветренным лицом. И тут же вспомнила, что они уже встречались десять лет назад. Он высился над ней, голубые глаза напоминали летнее небо, а изборожденное морщинами лицо – пересеченную местность; улыбка, как и десять лет назад, была до ушей, и на Саманту повеяло огромным теплом, когда ковбой притронулся к полям шляпы, а еще через секунду Саманта очутилась в его медвежьих объятьях. Это был Билл Кинг, человек, вот уже лет тридцать являвшийся правой рукой Кэролайн на ранчо «Лорд» – с того самого времени, как она его приобрела. Биллу было за пятьдесят, образования он толком не получил, но обладал обширными познаниями, отличался удивительной мудростью и еще более удивительной добротой. Саманта с первого взгляда почувствовала к нему притяжение; они с Барбарой относились к Биллу как к мудрому дядюшке, и он всегда был их защитником. Билл приехал вместе с Кэролайн на похороны Барбары и скромно стоял позади всех родственников, обливаясь слезами. Но сейчас не было даже намека на слезы, Билл широко улыбнулся Саманте, еще крепче сжал ее плечо своей ручищей и даже вскрикнул от радости.

– Черт возьми, как я рад тебя видеть, Сэм! Сколько мы с тобой не встречались? Пять лет? Шесть?

– Больше. Лет восемь-девять, – улыбнулась Саманта, которая тоже была счастлива видеть Билла, и внезапно обрадовалась, что приехала в Лос-Анджелес. Может быть, Чарли и прав... Высокий загорелый мужчина посмотрел на нее сверху вниз, и она поняла по его взгляду, что приехала домой.

– Ты готова? – Он согнул руку в локте, Саманта с улыбкой оперлась на нее, и они отправились за чемоданом, который уже лежал, как выяснилось, когда они спустились вниз, на лениво вращавшейся ленте. – Этот? – Билли вопросительно взглянул на Саманту и взял большой кожаный чемодан черного цвета с красно-зеленой полоской, эмблемой фирмы «Гуччи».

Он легко поднял тяжелый чемодан одной рукой, а другой перекинул через плечо дорожную сумку Саманты.

– Да, этот, Билл.

Кинг метнул на нее взгляд из-под нахмуренных бровей.

– Значит, ты не собираешься долго у нас задерживаться? Я прекрасно помню, как ты в последний раз приезжала сюда с мужем. У вас на двоих было семь чемоданов.

Саманта усмехнулась, вспомнив про это. Джон привез тогда с собой столько одежды, что хватило бы на месяц в Сент-Морице.

– Там в основном была одежда моего мужа. Мы тогда только что побывали в Палм-Спрингс.

Билл молча кивнул, пошел по направлению к автостоянке. Он был скуп на слова, однако чувствовал все очень тонко. Бывая на ранчо, Саманта успела в этом убедиться. Через пять минут они дошли до большого красного пикапа и положили чемодан в багажник. Когда они медленно выруливали со стоянки международного аэропорта, Сэм вдруг показалось, что она вот-вот обретет свободу. После Нью-Йорка, где она была обречена на жизнь в четырех стенах и не видела ничего, кроме работы и семьи, после суматохи и толчеи в самолете и в здании аэропорта она внезапно окажется на открытой местности, одна, сможет подумать, увидит горы, деревья, коров и вновь откроет для себя жизнь, о которой уже почти напрочь забыла. При мысли об этом лицо Саманты медленно озарилось улыбкой.

– Ты хорошо выглядишь, Сэм.

Билл мельком взглянул на нее, выезжая с территории аэропорта; едва очутившись на шоссе, он переключился на четвертую передачу.

Но Саманта усмехнулась и покачала головой.

– Ничего хорошего. Ведь прошло столько лет.

На этих словах голос ее смягчился: она припомнила свою последнюю встречу с Биллом Кингом и Кэролайн Лорд. То была странная поездка: прошлое сумбурно перемешалось с настоящим. Джону на ранчо было довольно скучно... Пока машина ехала по шоссе, Сэм вспоминала свой предыдущий приезд. Когда же старина Билл положил ей на плечо руку, ей показалось, что уже прошла тысяча лет, и, поглядев за окно, она увидела совершенно другой пейзаж. Ни следа безобразных окраин Лос-Анджелеса, этого уродливого царства пластмассы, вообще никаких домов – только акры земли, далеко простирающиеся территории крупных ранчо и незаселенные земли, принадлежащие государству. Красота была изумительная, и Сэм, опустив стекло машины, принялась.

– Господи, тут даже пахнет по-другому, правда?

– Ну, конечно! – Билл улыбнулся знакомой теплой улыбкой и какое-то время ехал молча. – Кэролайн не терпит тебя увидеть, Сэм. После смерти Барб ей было одиноко. Знаешь, она частенько про тебя вспоминала. Но я не знал, приедешь ты еще или нет. После того как ты побывала тут в последний раз, я вовсе не был уверен.

Они уехали тогда с ранчо раньше времени, и Джон не скрывал, что ему там надоело до смерти.

– Рано или поздно я все равно вернулась бы. Я всегда собиралась заехать к вам, когда отправлялась в Лос-Анджелес по делам, но мне не хватало времени.

– А теперь? Ты разве ушла с работы, Сэм?

Билл имел лишь смутное представление о том, что она работает в области рекламы; никакого четкого образа у него не было, да Билла это и не интересовало. Кэролайн сказала ему, что работа хорошая, Сэм довольна, а для Билла это было главное. Чем занимался муж Саманты, Билл, разумеется, знал. Каждый американец знал Джона Тейлора: и в лицо, и по имени. Билл Кинг Джона всегда недолюбливал, но чем тот занимается, конечно же, прекрасно себе представлял.

– Нет, Билл, я не ушла с работы. Я просто в отпуске.

– По болезни? – Лицо Билла, въезжавшего в этот момент на гору, приняло встревоженное выражение.

Сэм колебалась всего секунду.

– Вообще-то нет. Скорее это можно назвать реабилитацией. – Она хотела было на этом остановиться, но потом все же решила сказать: – Мы с Джоном расстались. – Билл вопросительно поднял брови, но не произнес ни слова, и Саманта продолжала: – Уже довольно давно. По крайней мере, мне так кажется. Месяца три-четыре. – Если быть точной, то сто два дня. Она вела счет дням. – И на работе решили, что мне нужно отдохнуть.

Это объяснение самой Саманте показалось фальшивым, и ее вдруг снова охватила паника... как утром, когда она разговаривала с Харви. А может, в действительности ее выгнали и просто не хотят пока говорить? Наверное, считают, что она не вынесет такого удара? Неужели им кажется, что она совершенно раздавлена случившимся?.. Однако, посмотрев на Билла Кинга, Саманта увидела, что он спокойно кивает, словно ее объяснение показалось ему вполне логичным.

– По-моему, они правы, крошка, – ободряюще сказал Билл. – Когда у человека тяжелые переживания, ему трудно работать. – Билл на мгновение умолк, а затем заговорил снова: – Я в этом убедился много лет назад, когда умерла моя жена. Я-то думал, что смогу и дальше выполнять свои обязанности на ранчо, где я тогда работал. Но через неделю хозяин сказал: «Билл, мальчик мой, вот тебе месячное жалованье, поезжай к своим. Вернешься, когда деньги у тебя кончатся». И знаешь, Сэм, я страшно разозлился на него, решил, что он таким образом дает мне расчет, но потом убедился в его правоте. Я поехал к сестре – она живет

неподалеку от Феникса, – пробыл у нее примерно полтора месяца, и когда вернулся, то был прежним. Ни мужчина, ни женщина не могут работать как заведенные. Порой им надо дать возможность погоревать.

Билл не признался Саманте в том, что двадцать пять лет спустя, работая на ранчо «Лорд», он взял трехмесячный отпуск – когда в самом начале вьетнамской войны убили его сына. Три месяца он был сам не свой, почти не мог говорить. Кэролайн выходила его: она выслушивала Билла, сочувствовала ему и наконец разыскала его в баре в Туксоне и привезла домой. Кэролайн заявила, что на ранчо работы невпроворот, так что хватит расслабляться. Она рывкнула на него, как сержант, и навалила на Билла столько дел, что он чуть не помер. Кэролайн орала, вопила, ругалась, силой заставляла Билла работать, и однажды они чуть было не подрались на лугу. Они соскочили с лошадей, и Кэролайн бросилась на Билла, а он сбил ее с ног, и тут вдруг она рассмеялась... И заливалась хохотом, пока слезы не хлынули у нее из глаз ручьями. А Билл... Билл тоже хохотал до упаду, потом склонился над Кэролайн, чтобы помочь ей подняться на ноги, и... впервые поцеловал ее.

Это случилось восемнадцать лет назад, и ни одну женщину Билл не любил так, как ее. Только за нее он так переживал, только о ней так мечтал, только ее так хотел, только с ней так весело смеялся, так прекрасно работал и строил планы на будущее. Билл уважал Кэролайн больше, чем любого мужчину. Но она и была необыкновенной женщиной. Такую женщину, как Кэролайн Лорд, днем с огнем было не сыскать. Она была умная, веселая, симпатичная, добрая, чуткая, потрясающая. Для Билла оставалось загадкой, что она нашла в нем, в обыкновенном работяге. Однако Кэролайн с самого начала твердо знала, что ей нужно, и не раскаивалась в принятом решении. Вот уже двадцать лет она была его тайной подругой. И если бы Билл разрешил, давно перестала бы делать секрет из их отношений. Но Билл прямо-таки со священным трепетом относился к тому, что Кэролайн – хозяйка ранчо, поэтому окружающие хоть и догадывались об их отношениях, тем не менее никто не знал наверняка, что они любовники; достоверно было известно только об их дружбе. Даже Саманта не была уверена, что между ними есть что-то большее. Разумеется, они с Барбарой подозревали и частенько посмеивались, но на самом деле толком ничего не знали.

– А как поживает Кэролайн, Билл? – Саманта взглянула на него с теплой улыбкой и заметила, что в глазах Билла появился какой-то особенный блеск.

– Как всегда, не дает никому спуску. Она крепче всех на ранчо.

И старше. Кэролайн была на три года старше Билла. Когда Кэролайн было двадцать, она считалась самой блестящей и элегантной женщиной Голливуда: муж ее был одним из крупнейших режиссеров того времени. В Голливуде до сих пор рассказывали легенды о вечеринках, которые они устраивали, а к их дому, построенному на пригорке, все еще водили экскурсантов. Дом часто переходил из рук в руки, но по-прежнему считался местной достопримечательностью, непревзойденным памятником минувшей эпохи. Однако в тридцать два года Кэролайн Лорд овдовела, и после этого в Голливуде все ей стало немило. Она прожила там еще несколько лет, но ей было тоскливо и одиноко, поэтому однажды она вдруг исчезла. Без объяснений. Кэролайн провела год в Европе, а потом – шесть месяцев в Нью-Йорке. Однако она еще целый год не могла понять, что же ей на самом деле нужно, и наконец, проехав несколько часов подряд одна в своем белом автомобиле «Линкольн Континенталь», она вдруг осознала, где ей хочется жить. В сельской местности, на природе, вдали от льющегося рекой шампанского, вечеринок и всяких выкрутасов. После смерти мужа все это потеряло для нее смысл. Все было кончено. Она почувствовала, что готова к другому: к совершенно новой жизни, новым приключениям... И весной, осмотрев все дома и земельные участки, продававшиеся в радиусе двухсот миль от Лос-Анджелеса, Кэролайн приобрела это ранчо.

Она выложила за него кучу денег, наняла советника и лучших рабочих, каких только можно было найти в округе. Кэролайн платила всем очень хорошо, предоставила хорошее,

уютное жилье и окружила их теплом и заботой, от которых мало кто из мужчин способен отказаться. В ответ она хотела получить толковый совет и хорошие наставления, Кэролайн стремилась научиться управлять ранчо и надеялась, что все будут работать так же усердно, как она сама. Билл Кинг познакомился с ней в первый год пребывания Кэролайн на ранчо; он тут же взял бразды правления в свои руки и обучил Кэролайн всему, что умел. Заполучить такого управляющего было заветной мечтой любого владельца ранчо, и Билл чисто случайно очутился на ранчо «Лорд». Еще более случайным было их внезапное сближение, в результате которого они с Кэролайн Лорд стали любовниками. Саманта же знала про Билла только, что он начал работать на ранчо почти сразу же после того, как Кэролайн его приобрела, и дела там процветали во многом благодаря мудрости Билла.

Это была одна из немногих скотоводческих ферм в Калифорнии, которая приносила доход. Здесь разводили ангусовских коров, также имелся небольшой конный завод. Крупные ранчо находились в основном на Среднем и Южном Западе; в Калифорнии мало кому удавалось добиться успеха, многие ранчо были убыточными, и их хозяева – жители городов, биржевые маклеры, юристы и кинозвезды – смотрели на них как на этакую игру. Но ранчо «Лорд» не имело никакого отношения к игре, во всяком случае, в восприятии Билла Кинга, Кэролайн Лорд и людей, которые там работали; поэтому Саманта понимала, что ей тоже придется потрудиться, пока она будет гостить у Кэролайн. На ранчо никто не приезжал просто отдохнуть. Это выглядело бы неприличным, ведь все трудились в поте лица!

Когда Сэм позвонила Кэролайн, та сказала, что ей как раз не хватает двух работников и будет прекрасно, если Саманта решит помочь по хозяйству. Саманта не сомневалась, что дел у нее во время отпуска будет хоть отбавляй. Она предполагала, что по большей части ей придется помогать на конюшне: ухаживать за лошадьми и, может быть, чистить стойла. Она знала, что получить более серьезное задание маловероятно. И не потому, что она не справится. Саманта давно уже доказала, что умеет управляться с лошадьми. Она научилась ездить верхом в пять лет, в семь принимала участие в конных шоу, в двенадцать ездила в Медисон-сквер-гарден, получила три голубых ленты и одну красную, потом участвовала в скачках с препятствиями, а пару лет спустя мечтала об Олимпийских играх и почти не отходила от своей собственной лошади. Но когда Саманта поступила в колледж, времени на лошадей почти не осталось, мечты об Олимпийских играх развеялись, и в последующие годы Саманте почти не доводилось ездить верхом. Такая возможность появлялась лишь изредка, когда Саманта приезжала на ранчо вместе с Барбарой или знакомилась с человеком, у которого были свои лошади. Однако она осознавала, что работники ранчо сочтут ее «залетной пташкой» и никогда не допустят до работы на равных с ними, если только в дело не вмешается Кэролайн.

– В последнее время ты часто ездила верхом? – Билл словно угадал ее мысли и с улыбкой склонился к Саманте.

Она покачала головой.

– Знаешь, по-моему, я не садилась на лошадь уже года два.

– Тогда завтра в это же время у тебя все тело будет ныть.

– Наверно. – Они обменялись тихими улыбками. Уже начинало вечереть. – Но ничего. Это приятная боль, – продолжала Саманта.

Ноющие от усталости колени и болящие икры – что это такое по сравнению с той болью в душе, которую она ощущала в последние три месяца!

– У нас появилось несколько новых паломино¹, один пинто и целый табун морганов², всех их Кэролайн купила в этом году. А еще, – Билл чуть не зарычал, – еще ей вздумалось

---

¹ Золотисто-кремовая лошадь с белыми хвостом и гривой.

² Пинто, морган – другие породы лошадей.

приобрести этого бешеного жеребца! И не спрашивай меня почему! Ее объяснения – чушь собачья... видите ли, он похож на коня, на котором скакал в кино ее муж, – Билл неодобрительно посмотрел на Сэм. – Она купила чистокровного, породистого скакуна. Черт побери, это великолепный конь! Но нам такой на ранчо не нужен. Он похож на породистых скаковых лошадей... и несется как вихрь. Она когда-нибудь разобьется на нем, честное слово! Это как пить дать. Я ей так прямо и заявил!

Билл возмущенно посмотрел на Сэм, она улыбнулась. Саманта прекрасно могла представить себе элегантную Кэролайн, которая, словно молоденькая девушка, несется по полям на чистокровном рысаке. Как чудесно, что они снова увидятся! Чудесно снова вернуться сюда!.. И внезапно Саманту будто омыло теплой волной, она ощутила прилив благодарности. Все-таки она рада, что приехала в Калифорнию! Саманта исподтишка поглядывала на Билла, который уже почти подъехал к ранчо, вот уже больше двух десятилетий служившему ему домом, и неожиданно поймала себя на мысли о том, что ее опять интересует, насколько далеко зашли отношения Билла и Кэролайн. В шестьдесят три года Билл все еще не утратил красоты и мужественности; широкие плечи, длинные ноги, могучие руки и блестящие голубые глаза придавали его облику особую силу и свой неповторимый стиль. Ковбойская шляпа выглядела на Билле великолепно, джинсы сидели как влитые. Ни один из этих ковбойских атрибутов не смотрелся пошло или глупо. Биллу не было здесь равных, он был гордостью ковбоев. Морщины на его лице лишь придавали очарование красивым чертам, а низкий, хриловатый баритон с годами совершенно не менялся. С непокрытой головой рост Билла составлял шесть футов четыре дюйма; когда же он надевал свой «стетсон», то становился просто верзилой.

Машина въехала в главные ворота ранчо, и у Саманты вырвался вздох облегчения... Или она вскрикнула от боли? Ее обуревали разноречивые чувства. После указателя, на котором было написано «Ранчо «Лорд» – с витиевато вырезанной по дереву буквой «Л», такой же, как и на клейме для скота, – они проехали еще целую милю. Саманта вела себя как нетерпеливый ребенок: она затаила дыхание, ожидая, что впереди вдруг покажется дом, однако прошло еще десять минут, прежде чем они свернули на частную дорогу, и дом наконец вырос впереди. Казалось, Саманта попала на старинную плантацию: большой прекрасный белый дом с темно-синими ставнями, кирпичной трубой, просторным крыльцом и широкими ступеньками был окружен клумбами, которые поражали в разгар лета буйством красок; а за домом высились стеной гигантские, великолепные деревья. Дом стоял на пригорке, и внизу, у подножия холма, росла одинокая ива и был устроен маленький пруд, заросший водяными лилиями и густо населенный лягушками. Рядом находились конюшни, за ними – сарай, а вокруг, куда ни посмотри, были построены домики для рабочих. Сэм сначала считала, что ранчо всегда так выглядят, однако, побывав на других, быстро убедилась в своей ошибке. Мало где еще поддерживался такой идеальный порядок, мало где все было так красиво, так ухожено... и однако же ни Кэролайн Лорд, ни Билл Кинг этим не кичились!

– Ну, барышня, как вам тут у нас? – Пикап остановился, и Билл с привычной гордостью оглядел двор. Ведь именно он помог превратить ранчо «Лорд» в образцовое хозяйство, и все здесь поддерживалось в идеальном порядке в основном благодаря ему. – Что-нибудь изменилось?

– Нет.

Саманта улыбнулась, озираясь в темноте. Однако луна светила ярко, дом был хорошо освещен, в коттеджах рабочих и в главном зале, где они обедали и играли в карты, горел свет; возле конюшен тоже были зажжены яркие фонари, и Саманта легко убедилась в том, что на ранчо почти все осталось без изменений.

– Тут у нас есть кое-какие технические усовершенствования, но сейчас они не видны.

– Вот и отлично! А то я боялась, что тут теперь все другое.

– Ничего подобного!

Билл два раза нажал на гудок. И тут же дверь главного дома отворилась, и на пороге показалась высокая, худощавая седая женщина, которая улыбнулась сначала Биллу, а потом, в следующую секунду, – Саманте. Женщина всего лишь на мгновение замаялась, взглядываясь в свою молодую гостью, а затем легко сбежала по ступенькам, протянула руки и жала Саманту в крепких объятиях.

– Добро пожаловать домой, Саманта. Добро пожаловать домой!

И когда Сэм почувствовала запах духов Кэролайн Лорд, когда густые седые волосы коснулись ее щеки, на глаза Саманты навернулись слезы, и она и вправду ощутила, что вернулась домой. Женщины почти сразу же разомкнули объятия, Кэролайн чуть отступила назад и поглядела на Саманту с улыбкой.

– Боже, до чего ты похорошела, Сэм! Ты еще красивее, чем в прошлый раз.

– Чепуха! Вот вы – это да!

Кэролайн была еще тоньше, стройнее и еще больше напоминала тростинку, чем раньше; глаза ее ярко сияли, и все говорило о том, что жизнь в ней бьет ключом, что она не утратила изюминку. Кэролайн несколько не подурнела со времени их последней встречи, когда ей было пятьдесят с небольшим, и теперь, в шестьдесят шесть, она по-прежнему была красива, и даже в джинсах и мужской хлопчатобумажной рубашке смотрелась великолепно; никто не посмел бы отрицать, что у нее есть свой стиль. Шея Кэролайн была обвязана ярко-голубым шарфом, в пояс джинсов вставлен старинный индейский ремень, ковбойские сапоги изумляли своим глубоким яшмовым цветом. Поднимаясь вслед за Кэролайн по ступенькам дома, Саманта в какой-то момент опустила глаза и задохнулась от восторга.

– О господи, какая прелесть, Кэролайн!

– Правда? – Кэролайн моментально поняла, о чем речь, и тоже посмотрела на сапоги, по-девчоночьи улыбаясь. – Это мне сделали на заказ. В моем возрасте носить такие вещи верх чудачества, но мне плевать! Может быть, это мой последний шанс.

Сэм неприятно поразили ее слова: она содрогнулась при одной лишь мысли о том, что Кэролайн может теперь так рассуждать. Сэм молча вошла в знакомый дом, Билл шел за ними с чемоданом и сумкой. Они очутились в холле, и Саманта увидела роскошный стол ранне-американской эпохи, медный подсвечник и большой яркий ковер. В гостиной за холлом, в большом камине, возле которого стояли удобные кресла с красивой сочно-синей обивкой, пылал огонь. Тот же цвет воспроизводился и на старинном ковре, на котором был выткан яркий цветочный узор. Вся комната была выдержана в синих, красных и зеленых тонах, и яркость красок великолепно отражала характер Кэролайн. Множество старинных вещиц из благородных пород дерева украшало эту гостиную. На полках стояли книги в кожаных переплетах, множество вещей было сделано из меди: подставка для дров в камине, люстра, кашпо и кадки для домашних растений, а также висевшие на стене бра с лампочками в виде изящных свечек. Это была восхитительная комната, обставленная «под старину», элегантная и в то же время уютная, во многом похожая на свою хозяйку Кэролайн. При этом в интерьере нашло отражение и то, что дом находится не где-нибудь, а именно на ранчо. Фотография такой комнаты идеально смотрелась бы в журнале «Город и деревня» или «Дом и сад», но, разумеется, Кэролайн не делала свое жилище достоянием публики. Она не собиралась превращать свой дом в выставку; после долголетнего пребывания в Голливуде, когда ей приходилось все время быть на виду, Кэролайн теперь ревниво охраняла приватность своей жизни. Она фактически исчезла с горизонта почти всех знакомых, за исключением лишь некоторых.

– Тебе еще понадобятся дрова, Кэролайн? – Билл глядел на нее с высоты своего роста. Он снял широкополую шляпу, и Сэм убедилась в том, что волосы его белы как снег.

Кэролайн улыбнулась и покачала головой, она выглядела сейчас еще моложе, чем раньше; в ее глазах отражалось сияние глаз Билла.

– Нет, Билл, спасибо. Мне этого хватит на всю ночь.

– Вот и отлично. Ладно, милые дамы, до завтра!

Билл тепло улыбнулся Сэм, уважительно попрощался с Кэролайн и, направившись размашистой походкой к дверям гостиной, вышел за порог. Глядя, как он тихонько притворяет за собой дверь, Сэм вспомнила, что они с Барбарой сто раз обсуждали отношения Билла и Кэролайн, когда учились в колледже и приезжали сюда погостить, и снова решила, что, наверное, между ними ничего такого нет. Иначе они не расставались бы вот так по вечерам! Да и встречи их всегда были такими же, как только что: ничего интимного, лишь обмен дружескими кивками, небрежные улыбки, теплые слова приветствия и серьезные разговоры о делах на ранчо. Ничего другого они себе не позволяли, и все же у стороннего наблюдателя создавалось впечатление, что между Биллом и Кэролайн существует какое-то тайное взаимопонимание. Или, как однажды заявила Барбаре Сэм, «что они прямо как муж и жена».

Однако Кэролайн прервала нить рассуждений Сэм, потому что поставила на журнальный столик возле камина поднос, налила Сэм горячего шоколада, сняла фольгу, прикрывавшую тарелку с сэндвичами, и подозвала Сэм, приглашая ее к столу.

– Иди сюда, Сэм. Присаживайся, располагайся поудобнее.

Когда же Саманта подошла, пожилая хозяйка дома снова улыбнулась ей и сказала:

– Чувствуй себя как дома.

Во второй раз за этот вечер глаза Саманты наполнились слезами, и ее длинная, изящная рука потянулась к Кэролайн. Мгновение они держались за руки, Сэм крепко сжимала худенькие пальцы Кэролайн.

– Спасибо, что вы разрешили мне приехать к вам.

– Не говори так. – Кэролайн отпустила руку Саманты и протянула ей чашку с горячим шоколадом. – Я рада, что ты мне позвонила. Я всегда тебя любила... – Она немного поколебалась, глядя в огонь, а затем снова посмотрела на Сэм. – Любила так же, как Барб, – Кэролайн тихо вздохнула. – Это было все равно что потерять дочь. Даже не верится, что уже прошло десять лет. – Сэм молча кивнула, и Кэролайн улыбнулась ей. – Мне очень приятно осознавать, что хотя бы тебя я не потеряла. Я так любила получать от тебя письма, но в последние несколько лет мне казалось, что ты больше не вернешься сюда.

– Я хотела приехать, но... мне все было некогда.

– Может, ты расскажешь мне обо всем? Или ты устала?

Полет длился пять часов, а потом Сэм провела еще три часа в машине. В Калифорнии была лишь половина девятого, но для Сэм, все еще жившей по нью-йоркскому времени, было уже полдвенадцатого ночи. Однако Саманта не ощущала усталости, все заслонило радостное волнение от встречи с Кэролайн.

– Нет, я не так уж устала... Просто я не знаю, с чего начать.

– Тогда начни с горячего шоколада. Потом перейди к сэндвичам. И только потом – к рассказу.

Женщины вновь обменялись улыбками, и Сэм не удержалась и опять потянулась к Кэролайн, которая ласково обняла ее в ответ.

– Если б ты знала, как я рада твоему приезду!

– Ну, уж не больше, чем я! – Саманта откусила большой кусок сэндвича и блаженно откинулась на спинку дивана. – Билл сказал, у вас новый скакун. Красивый?

– О Сэм, не то слово! – Кэролайн снова рассмеялась. – Он даже красивее моих зеленых сапог, – она весело посмотрела на свои ноги, и когда перевела взгляд на Сэм, в ее глазах плясали веселые огоньки. – Это жеребец. Да такой горячий, что я с ним еле справляюсь. Билл в ужасе, ему кажется, что я непременно разобьюсь, но понимаешь, когда я увидела этого красавца, то просто не смогла устоять. Сын одного из здешних фермеров купил его в Кентукки, а потом ему срочно понадобились деньги, и он продал его мне. Кататься на нем

верхом для собственного удовольствия – это, конечно, безобразие, но я ничего не могу с собой поделать. Я не в состоянии удержаться от соблазна. Ну и пусть я уже старуха и страдаю артритом! Плевать я хотела на то, что меня считают дурой! Я такого коня в жизни не видела и собираюсь ездить на нем до самой смерти.

При напоминании о смерти и старости Сэм снова вздрогнула. Да, в этом смысле они с Биллом изменились со времени ее последней встречи с ними. Но с другой стороны, им ведь уже за шестьдесят; наверное, в этом возрасте подобные мысли нормальны... И все же Сэм не могла думать о них как о стариках: они были для этого слишком красивы, слишком деятельны, сильны и заняты. Однако, по-видимому, сами они уже считали себя стариками.

– А как зовут вашего любимца? – поинтересовалась Саманта.

Кэролайн громко расхохоталась, поднялась с места и, подойдя к огню, принялась греть руки.

– Черный Красавчик! Как же еще?

Кэролайн повернулась к Саманте, и ее красивые черты на фоне пламени напомнили Сэм искусно вырезанную камеею или же личико фарфоровой статуэтки.

– Вам давно говорили, что вы красавица, тетя Каро?

Так называла ее Барбара, и на сей раз слезы навернулись на глаза Кэролайн.

– Бог с тобой, Сэм! Ты никогда не умела смотреть правде в глаза.

– Да, черт побери! – Саманта усмехнулась и доела сэндвич, а потом отхлебнула горячего шоколада, который Кэролайн налила ей из термоса.

Кэролайн по-прежнему была гостеприимной хозяйкой. Как в те дни, когда Саманта впервые приехала на ранчо. Да и раньше, в тридцатые годы, живя в Голливуде, Кэролайн устраивала приемы, вошедшие в легенду.

– Так... – Лицо Сэм постепенно посерьезнело. – А теперь вам, должно быть, хотелось бы услышать про Джона. Но боюсь, я вряд ли смогу рассказать больше того, что я уже сказала вам в тот вечер по телефону. Он завел любовницу, она забеременела, он меня бросил, они поженились и теперь ожидают рождения первенца.

– Ты говоришь об этом так лаконично... – Кэролайн помолчала и вдруг спросила: – Ты его ненавидишь?

– Иногда. – Голос Сэм понизился до шепота. – Но чаще я тоскую по нему и не могу понять: а может, он прав? И спрашиваю себя, знает ли она, что у него аллергия на шерстяные носки? И покупает ли теперь ему любимый сорт кофе? Здоров ли он? Счастлив или хандрит? Не забывает ли брать в командировки лекарство от астмы? И... и... жалеет ли о... – Саманта осеклась и посмотрела на Кэролайн, которая по-прежнему стояла у камина. – Я сумасшедшая, да? Человек меня бросил, предал, пренебрег мной, он даже ни разу не позволил, чтобы узнать, как я, жива ли, а я волнуюсь, не выступит ли у него сыпь на ногах от того, что новая жена по ошибке купит ему шерстяные носки. Ну, разве это не безумие? – Сэм рассмеялась, но тут же всхлипнула. – Разве нет? – Она зажмурилась и медленно покачала головой, не раскрывая глаз, словно это давало возможность отгородиться от видений, которые уже столько времени мучили ее. – Господи, Каро, все это было так ужасно... так публично! – Она открыла глаза. – Неужели вы не читали об этом в газетах?

– Читала. Однажды. Но это были лишь какие-то смутные слухи о вашем разводе. Я надеялась, что все это вранье, глупая попытка создать шумиху вокруг имени Джона, чтобы придать ему еще большую популярность. Мне ли не знать, как это делается! Как распускаются сплетни, а потом оказывается, что все это на пустом месте.

– Но тут слухи были обоснованными. Разве вы не видели, как они вместе выступали по телевидению?

– Нет, никогда.

– Я тоже не видела, – уныло вздохнула Саманта. – Зато теперь смотрю.

– Тебе нельзя на это смотреть.

Саманта молча кивнула.

– Да, нельзя. Мне многое нужно себе запретить. Наверное, за этим я сюда и приехала.

– А как же твоя работа?

– Не знаю. Каким-то чудом мне удавалось все это время справляться с работой. Во всяком случае, мне так казалось... если, выгоняя меня в отпуск, начальство не покривило душой. Но, по правде говоря, я сама не понимаю, как мне удавалось не запороть работу. Я была будто зомби, не выходила из этого состояния, – Саманта уткнулась лицом в ладони и тихонько вздохнула. – Может, и хорошо, что я уехала.

В следующую секунду рука Кэролайн легла на ее плечо.

– Я тоже так думаю, Сэм. Может, если ты поживешь здесь, на ранчо, твои душевные раны затянутся, у тебя будет время, чтобы собраться с мыслями. Ты получила страшную травму. Я знаю, со мной было то же самое, когда умер Артур. Я думала, что не переживу этого. Думала, что тоже умру. Это не совсем то, что случилось с тобой, но ведь смерть – тоже разлука. – На последних словах глаза Кэролайн слегка помрачнели, но она поспешно отогнала печаль и опять улыбнулась Сэм. – Однако твоя жизнь не кончена, Саманта. Может, в некотором смысле она только начинается. Сколько тебе лет?

– Тридцать, – простонала Саманта.

В ее устах это прозвучало как восемьдесят, и Кэролайн рассмеялась. Мелодичный, серебристый смех так мило разнесся по этой прелестной комнате!

– Ты надеешься меня потрясти?

– Разжалобить, – хихикнула Саманта.

– Дорогуша, ты слишком многого хочешь от женщины моего возраста. Я могу тебе позавидовать – это да! Тридцать лет... – Кэролайн мечтательно посмотрела на пламя в камине. – Да я бы все отдала за твои тридцать!

– А я бы все отдала за то, чтобы в вашем возрасте выглядеть так, как вы!

– Ты мне льстишь... – Однако было очевидно, что Кэролайн приятно это слышать. Потом она снова повернулась к Саманте и вопросительно поглядела на нее. – После того что случилось, у тебя кто-то был? – Сэм помотала головой. – Почему?

– По двум причинам. Во-первых, из приличных людей мне никто не предлагал, а во-вторых, я сама не хотела. В глубине души я по-прежнему чувствую себя женой Джона Тейлора. И если бы появился другой, мне казалось бы, что я изменяю мужу. Я пока не готова. И знаете что? – Саманта мрачно посмотрела на Кэролайн. – Я боюсь, что так будет всегда. Мне просто никто не нужен. Когда он вышел за порог, что-то во мне умерло. Мне теперь все безразлично. Мне наплевать, влюбится в меня кто-нибудь или нет. Я не считаю себя достойной любви. И не хочу, чтобы меня любили... чтобы меня любил кто-нибудь, кроме него.

– Но тебе надо с собой справляться, Саманта. – В глазах Кэролайн появилось легкое неодобрение. – Нужно рассуждать реалистично: ты не можешь быть ходячим трупом. Ты должна жить. Это и мне говорили когда-то. Однако на все нужно время. Я знаю. Сколько уже прошло с тех пор?

– Три с половиной месяца.

– Прибавь еще шесть, – Кэролайн мягко улыбнулась. – И если через полгода ты не будешь по уши влюблена, придется прибегнуть к радикальным мерам.

– К каким? К лоботомии? – Саманта с серьезным видом отпила глоток горячего шоколада.

– Мы что-нибудь придумаем. Хотя у меня нет впечатления, что до этого дойдет.

– Да, потому что, к счастью, я уже вернусь тогда на Медисон-авеню и буду гробить себя, работая по пятнадцать часов в сутки.

– Ты этого хочешь? – печально посмотрела на Саманту Кэролайн.

– Не знаю. Я привыкла так думать. Но теперь, когда я оглядываюсь назад, мне кажется, что, наверное, я конкурировала с Джоном. Да у меня до сих пор есть реальная возможность стать творческим директором агентства, а ведь это так льстит самолюбию!

– Но тебе это нравится?

Саманта кивнула и улыбнулась:

– Я в восторге. Она наклонила голову набок, и в ее улыбке появилось некоторое смущение. – Хотя бывают моменты, когда такая жизнь, как у вас, мне нравится больше. – Сэм поколебалась, но нерешительность ее длилась всего секунду. – Можно мне завтра покататься на Черном Красавчике? – Саманта вдруг стала похожа на маленькую девочку.

Но Кэролайн покачала головой.

– Пока нет, Сэм. Надо сперва потренироваться на других лошадях. Ты давно не ездил верхом?

– Около двух лет.

– Тогда тебе не следует начинать с Черного Красавчика.

– Почему?

– Потому что ты не успеешь выехать за ворота, как он тебя сбросит. Ездить на нем непросто, Сэм, – сказала Кэролайн и добавила уже мягче: – Даже тебе. – Кэролайн давно убедилась, что Саманта – прекрасная наездница, но ей было слишком хорошо известно, что Черный Красавчик – необыкновенный конь. Он даже ей задавал жару, приводил в ужас управляющего и большинство работников. – Потерпи. Я обязательно разрешу тебе покататься на нем, когда ты вновь почувствуешь себя уверенно. – Обе женщины понимали, что произойдет это довольно скоро. Саманта слишком много возилась с лошадьми, чтобы напрочь все позабыть. – Знаешь, – продолжала Кэролайн, – я надеялась, что тебе захочется вволю накачаться верхом. Мы тут с Биллом в последние три недели все время корпели над бухгалтерскими книгами. Год кончается, и нам надо привести в порядок баланс. Я тебе уже говорила, мне не хватает двух работников. Так что, если хочешь, ты можешь выезжать в поле вместе с парнями.

– Вы серьезно? – опешила Саманта. – Вы мне разрешаете?

В ее больших голубых глазах заплясали отблески каминного пламени, золотые волосы засияли.

– Конечно, разрешаю. Больше того, я буду тебе очень признательна, – откликнулась Кэролайн и добавила, ласково улыбувшись: – Ты понимаешь в этом не меньше, чем они. Во всяком случае, через пару дней будешь понимать. Как по-твоему, ты выдержишь целый день в седле?

– Да, черт возьми! – расплылась в улыбке Саманта.

Кэролайн подошла к ней, в ее взгляде сквозила нежность.

– Тогда отправляйтесь в постель, леди. Вам вставать в четыре утра. Я же не сомневалась, что ты согласишься, поэтому велела Тейту Джордану тебя подождать. А мы с Биллом завтра поедем в город.

И Кэролайн посмотрела на часы. Эти простые часы когда-то подарил ей Билл Кинг. Давно, тридцать лет назад, на ее запястье можно было увидеть только швейцарские часы, украшенные бриллиантами. Особенно любила она те, что муж купил ей в Париже, у Картье. Но Кэролайн уже много лет не носила их. Порой ей даже не верилось, что когда-то у нее была другая жизнь. Она посмотрела на Саманту с теплой улыбкой и опять крепко обняла ее за плечи.

– Дорогая, ты у себя дома!

– Спасибо, тетя Каро.

Женщины медленно направились в холл. Кэролайн знала, что огонь не вырвется из камина, а поднос с грязной посудой оставлен до утра: каждое утро на ранчо приходила мексиканка, которая прибиралась в доме и выполняла кое-какую другую работу.

Кэролайн проводила Саманту до ее спальни и увидела, что Сэм пришла в полный восторг. Это была совсем не та комната, в которой они жили вдвоем с Барбарой, приезжая на ранчо летом. Ту комнату Кэролайн давно превратила в кабинет. Она навевала слишком тяжелые воспоминания о девочке, которая приезжала сюда, жила в этой комнате, среди покрывал и занавесок с розовыми рюшками, и мало-помалу выросла, превращаясь в молоденькую девушку. Новая комната была совершенно иной. Она тоже явно предназначалась для женщины, однако была ослепительной белой. Все белоснежное, все утопает в прелестных оборках: и кровать с балдахином, и сшитые вручную подушечки, и плетеный шезлонг. Только красивое лоскутное одеяло выполняло роль цветового пятна, и это было настоящее буйство красок: разных оттенков красного, синего и желтого. Лоскутки были тщательно подобраны и образовывали узор. На двух удобных плетеных креслах, стоявших у камина, лежали подушки. А большой стол, тоже сплетенный из прутьев, украшала ваза, в которой стоял пестрый букет. Из окон открывался великолепный вид на горы. В этой комнате можно было безвылазно сидеть часами, а может, и годами. Каро не полностью избавилась от своих голливудских привычек. Она по-прежнему обставляла каждую комнату как-то по-особенному, проявляя бездну вкуса, что было ей свойственно, когда она жила в Голливуде.

– Да, это совсем не похоже на спальню сельскохозяйственного работника, – усмехнулась Сэм, присаживаясь на краешек кровати и оглядываясь по сторонам.

– Пожалуй, да. Но если тебе больше по вкусу другое место, то, думаю, кто-нибудь из мужчин не откажется разделить с тобой постель в домике.

Они снова обменялись улыбками, поцеловались, и Кэролайн вышла, тихонько прикрыв за собой дверь. Саманта слышала, как каблуки ковбойских сапог стучат по деревянному полу, удаляясь в другой конец дома, где находились комнаты самой Кэролайн: большая спальня, маленький кабинетик, гардеробная и ванная. Там все было выдержано в ярких тонах, перекликавшихся с тонами лоскутного одеяла. Именно в этих комнатах Кэролайн хранила кое-какие предметы из своей давней коллекции. На стене висела превосходная картина кисти одного из импрессионистов. Были там и другие произведения искусства, которые Кэролайн когда-то купила в Европе: часть еще при жизни мужа, часть после его смерти. Это были единственные сокровища, оставшиеся от прежней жизни.

Очувтившись одна, Сэм принялась не спеша распаковывать вещи; у нее возникло чувство, будто всего за несколько часов она попала в совершенно иной мир. Неужели сегодня утром она и вправду была в Нью-Йорке, спала в своей квартире, разговаривала в конторе с Харви Максвеллом? Неужели за столь короткое время можно умчаться так далеко? Когда Сэм услышала вдалеке негромкое ржанье лошадей и, выглянув в окно, ощутила дуновение ветерка, ей показалось невероятным, что такое возможно. Луна, сиявшая на небе, где горели, наверное, все звезды, которые только существуют, освещала окрестности. Это было волшебное зрелище, и Саманта испытала невыразимое блаженство от того, что приехала сюда, увидевшись с Кэролайн, покинула Нью-Йорк. Здесь она вновь обретет себя. Стоя у окна, Сэм вдруг поняла, что поступила правильно. А когда повернулась к нему спиной, то услышала, как в глубине дома, примерно там, где находилась спальня Кэролайн, закрылась дверь. И на мгновение засомневалась – как когда-то сомневались они с Барбарой: а может, это все-таки Билл Кинг?

4

В четыре утра возле кровати Сэм зазвонил будильник. Она застонала и протянула к нему руку, чтобы выключить. Но неожиданно пальцы ее обдало дуновением ветерка, и Саманта почувствовала какую-то перемену. Она открыла один глаз, посмотрела по сторонам и сообразила, что она не дома. Во всяком случае, не у себя дома. В полной растерянности Саманта еще раз оглядела комнату, подняла глаза на белый балдахин, украшенный оборками, и наконец сообразила, где находится. Она на ранчо Кэролайн Лорд, в Калифорнии, и сегодня ей предстоит поехать на лошади вместе с работниками тети Каро. Сейчас эта идея уже не так вдохновляла ее, как накануне вечером. Мысль о том, что надо вылезти из постели, принять душ и выйти из дому, а затем очутиться в столовой перед тарелкой, в которой лежит целая гора сосисок и яичница, и после этого усесться верхом на лошадь и выехать из усадьбы еще до шести утра, привела ее в крайне мрачное расположение духа. Но ведь она именно для такой жизни и отправилась на Запад, поэтому, немного подумав, Саманта решила, что не может проспять сегодняшнюю поездку. Не может, если ей хочется подружиться со здешними работниками. Да и потом, Кэролайн оказала ей большую честь, позволив поехать вместе с мужчинами. И чтобы они прониклись к ней уважением, Саманта должна проявить силу духа, волю, знания, должна не хуже их управляться с лошадьми и показать, что она готова ехать.

Приняв душ и выглянув в темноту за окном, Саманта не особенно воодушевилась: все было затянуто тонкой пеленой дождя. Она влезла в старые джинсы, надела белую рубашку, толстый черный джемпер с круглым вырезом, шерстяные носки и сапоги, которые она со священным трепетом надевала, отправляясь на верховую прогулку где-нибудь на востоке страны. Это был прекрасный образец товара фирмы Миллера, и на ранчо в таких сапогах, конечно, никто не ходил, но Саманта решила пока поносить их, а в конце недели купить в городе ковбойские сапоги. Она собрала свои длинные светлые волосы в тугой пучок на затылке, еще разок умылась холодной водой и поспешно схватила старую синюю куртку, в которой обычно каталась на лыжах, и коричневые кожаные перчатки. Товары от Хэлстона, Билла Бласса и Норелла остались в прошлом. Теперь ей предстояло совсем другое занятие. Элегантность тут не требовалась, важно было одеться тепло и удобно. Особенно отчетливо Саманта поймет это вечером, когда вернется к комнате: все мышцы, все суставы у нее будут болеть, ягодицы онемеют, колени окажутся в ссадинах, глаза, в которые целый день хлестал ветер, будут видеть плохо, лицо будет гореть, а пальцы, которым с утра до вечера предстоит держать вожжи, почти не смогут разогнуться. Подобное знание не придавало желания подниматься ни свет ни заря... Саманта выскользнула из своей комнаты в холл и заметила под дверью спальни Кэролайн полоску серебристого света. Она хотела было поздороваться с тетей Каро, но потом решила, что не стоит тревожить человека в такое время, и на цыпочках пошла к выходу. Тихонько прикрыв за собой дверь, Сэм надела капюшон, вышла на морозящий дождь, туго завязала тесемки под подбородком и негромко захлопала по лужам, которые уже образовались на земле.

Казалось, она целую вечность шла до столовой, где работники Кэролайн обычно питались, а по вечерам кое-кто из них играл в карты или в бильярд. Это было большое свежепокрашенное здание, не отличавшееся никакими архитектурными красотами; по потолку шли балки, кирпичный камин был высотой с человеческий рост, в зале имелись проигрыватель, телевизор, несколько столов для игр и красивый старинный бильярдный стол. Сэм давно знала, что Кэролайн Лорд хорошо относится к своим работникам.

Дойдя до порога и дотронувшись озябшей рукой до дверной ручки, Сэм на секунду замерла в нерешительности. Сейчас она войдет в эту мужскую обитель, будет делить с муж-

чинами утреннюю и дневную трапезы, работать бок о бок с ковбоями и притворяться, что она такая же, как они. Как воспримут парни это вторжение? Внезапно у Саманты задрожали колени: она не знала, предупредили ли Кэролайн и Билл работников о ее приходе, и боялась зайти.

Сэм все еще нерешительно стояла под дождем, держась за дверную ручку, когда за ее спиной раздался негромкий голос:

– Да заходи же, черт возьми, парень! На улице холодно.

Саманта вздрогнула от неожиданности, обернулась и оказалась лицом к лицу с широкоплечим, темноволосым и темноглазым мужчиной примерно ее роста и возраста. Он удивился не меньше ее, а затем, быстро осознав свою ошибку, расплылся в ухмылке.

– Вы подруга мисс Кэролайн, да?

Саманта молча кивнула, пытаясь улыбнуться.

– Простите, но... не могли бы вы все равно открыть дверь? А то холодно!

– О!.. – Сэм широко распахнула дверь. – Извините. Просто я... послушайте, она... она обо мне что-нибудь говорила?

Нежные, будто фарфоровые щеки Саманты покраснели от смущения и от холода.

– Конечно! Добро пожаловать на ранчо, мисс. – Мужчина улыбнулся и прошел мимо Саманты, держась доброжелательно, но не особенно стремясь поддерживать разговор.

Поздоровавшись с двумя-тремя работниками, он зашел в просторную кухню, поздоровался с поваром и взял чашку кофе и тарелку каши.

Только тут Саманта заметила, что в столовой сидит множество мужчин, похожих на него: все были в джинсах, куртках и теплых свитерах; шляпы их висели на крючках, вбитых в стену, а ковбойские сапоги громко стучали по деревянному полу, когда работники ходили взад и вперед по столовой. Этим утром в столовой было больше двадцати человек, они разговаривали, усевшись маленькими кучками, или пили кофе поодиночке. Полдюжины человек уже сидели за длинным столом: кто-то ел яичницу с ветчиной, кто-то – горячую кашу, а кто-то допивал вторую или третью чашку кофе. Но все это был мужской мир, со своими утренними ритуалами, и представители этого мира вот-вот должны были приступить к своим чисто мужским делам... так что Саманта впервые в жизни вдруг почувствовала себя совершенно не к месту. Кровь вновь прилила к ее лицу, и она нерешительно направилась к кухне, нервно улыбнулась по дороге каким-то парням, налила себе черного кофе и забилась в дальний угол комнаты, стараясь быть как можно незаметней.

С первого взгляда она не запомнила ни единого лица. В основном работники были молодые и, по всей вероятности, сравнительно недавно нанявшиеся к Кэролайн; лишь двое-трое, судя по их виду, уже долго работали на ранчо – или на этом, или на каком-то другом. Среди них был широкоплечий, плотный мужчина лет пятидесяти с хвостиком, очень похожий на Билла Кинга. Он был примерно такого же телосложения, однако в глазах его Саманта не заметила особой теплоты, а в лице – добродушия. Мужчина мельком взглянул на Саманту и, повернувшись спиной, что-то сказал веснушчатому рыжему парню. Оба расхохотались и, подойдя к столу, сели рядом с двумя другими мужчинами. В приступе болезненной подозрительности Саманта вдруг решила, что они, наверное, смеются над ней, и сказала себе, что сошла с ума, явившись сюда. А решение выехать на работу вместе с этими парнями – это еще большее безумие. Это все отголоски ее давних наездов сюда вместе с Барбарой, когда они ради развлечения объезжали окрестности. Но тогда они были юными, хорошенькими девушками, и мужчины с удовольствием любовались ими, когда они появлялись поблизости на лошадях. Однако на сей раз все по-другому. Саманта пытается быть с ними на равных, а они этого наверняка не потерпят... если вообще заметят ее присутствие.

– Вы разве не будете завтракать? – Голос, раздавшийся рядом, звучал хрипло, но ласково, и перед Сэм вдруг вырос другой мужчина, похожий на предыдущего, но не такой неприятный.

Сэм посмотрела на него повнимательней и... тихонько ахнула.

– Джош! Джош! Да это же я, Сэм!

Он бывал тут каждое лето, когда она приезжала с Барбарой, и всегда относился к ним очень заботливо. Барбара рассказывала Сэм, каким ласковым учителем был Джош в ее детстве: он учил ее ездить на лошади. Сэм припомнила, что у Джоша есть жена и шестеро детей. Но она никогда не видела их на ранчо. Как и большинство мужчин, работавших на ранчо, Джош привык к чисто мужскому обществу. Это была странная, одинокая жизнь, независимое существование среди таких же разьединенных людей. Одиночки собирались вместе, как бы ища тепла... Джош устоялся на Саманту, сперва недоуменно, но быстро узнал ее и радостно улыбнулся. В следующую секунду он решительно обнял Сэм, уколос ей щетиной щеку.

– Будь я проклят! Сэм?! – негромко воскликнул Джош, а Саманта в ответ рассмеялась. – Как же я, дурак, не догадался, когда мисс Кэролайн сказала, что к ней приезжает подруга? – Он хлопнул себя по коленке и снова заулыбался. – Ну как жизнь, черт побери? Да ты отлично выглядишь, девочка!

Саманте было трудно в это поверить: она представила себе свое заспанное лицо, подумала, что одета в какое-то старье...

– Вы тоже. Как ваша жена? Дети?

– Выросли и разъехались кто куда, слава богу! Только жена да один сын остались. – Джош понизил голос, словно открывая Саманте какую-то страшную тайну. – Знаешь, теперь они живут здесь, на ранчо. Мисс Кэролайн заставила меня перевезти их сюда. Сказала, что им негоже жить в городе, когда я живу здесь.

– Я рада.

В ответ Джош закатил глаза, и они оба рассмеялись.

– А почему ты не завтракаешь? Мисс Кэролайн сказала, что ее подруга, которая приедет из Нью-Йорка, будет нам помогать, – Джош мрачно усмехнулся. – Видела бы ты лица парней, когда она сообщила, что их будущий помощник – женщина!

– Да, они, наверное, пришли в экстаз, – язвительно откликнулась Саманта, идя вслед за Джошем на кухню.

Ей до смерти сейчас хотелось выпить кофе, да и еда теперь, когда Сэм повстречала Джоша, вроде бы запахла аппетитней.

Саманта принялась накладывать себе в большую миску овсяную кашу; Джош нагнулся к ней и заговорщически спросил:

– А чего ты сюда явилась, Сэм? Разве ты не замужем?

– Уже нет.

Он кивнул с понимающим видом, а Саманта предпочла не вдаваться в подробности, так что они молча подошли и сели за стол. Довольно долго – Сэм успела съесть кашу и перейти к гренкам – к ним никто не подсаживался, а потом вдруг нескольких человек одолело любопытство. Джош представил их одного за другим; в основном все они оказались младше Сэм, но вид у них был уже заскорузлый, как бывает у людей, которые практически всю жизнь проводят на улице. Работа у парней была нелегкая, особенно тяжело приходилось им в это время года. Морщины на лице Билла Кинга, придававшие ему сходство с грубо вытесанной статуей, были оставлены временем и стихиями, ведь он лет пятьдесят проработал на разных ранчо. Вглядевшись в лицо Джоша, Сэм убедилась, что оно ничем не отличается в этом плане от лица Билла, и легко представила себе, что лица других работников в скором времени будут выглядеть примерно так же.

– Полно незнакомых людей, да, Сэм?

Саманта кивнула, и Джош на секунду оставил ее, чтобы принести еще кофе. Большие часы, висевшие над камином, показывали без пятнадцати шесть. Через четверть часа они все направятся за лошадьми и начнется рабочий день. Интересно, кто предоставит ей на сегодня лошадь? Кэрлайн вчера ни словом об этом не обмолвилась... Саманта вдруг заволновалась и принялась искать глазами Джоша. Однако он куда-то исчез с одним из своих дружков, и Сэм поймала себя на том, что озирается, будто потерявшийся малыш. Если не считать нескольких любопытных взглядов, мужчины не проявляли по отношению к ней особого интереса; Сэм заподозрила, что они намеренно не желают обращать внимание на женщину и специально смотрят в другую сторону. Ей захотелось закричать или даже вскочить на стол, чтобы все ее заметили. Она была готова извиниться, сказать, что, если они хотят, она уйдет, но только не надо ее игнорировать, это действует ей на нервы. Казалось, мужчины решили, что ей среди них не место, и притворялись, будто Саманты здесь нет.

– Мисс Тейлор?

Сэм резко обернулась и уставилась в чью-то широкую грудь, обтянутую толстым шерстяным пуловером в синюю и красную клетку.

– Да?

Взгляд скользнул вверх, и Саманта увидела глаза удивительного цвета, такие ей почти не доводилось встречать. Казалось, перед ней изумруды с золотистыми искрами. Черные волосы на висках были тронуты сединой. Обветренное лицо, резкие черты, высокий рост... Этот мужчина был выше всех на ранчо, даже выше Билла Кинга.

– Я помощник управляющего.

Он назвал лишь свою должность, без имени. Причем сказал это холодно и грозно. Если бы Саманта повстречалась с ним в темном переулке, у нее бы мурашки по спине забегали.

– Здравствуйте.

Саманта толком не знала, что ему сказать, а он глядел на нее сверху вниз, нахмурив брови.

– Вы готовы пройти со мной на конюшню?

Она кивнула в ответ, оробев от его властного тона и громадного роста. От Саманты не укрылось, что окружающие наблюдают за ними, интересуюсь их разговором. Они явно заметили, что в голосе его нет ни капли тепла, что он не нашел для нее ни добрых приветственных слов, ни улыбки.

Вообще-то Саманте хотелось еще кофе, но поскольку мужчина уже пошел к выходу, она ничего ему не сказала. Поспешно сняв свою куртку с крючка, Сэм оделась, путаясь в рукавах, подняла капюшон и прикрыла за собой дверь, чувствуя себя провинившимся ребенком. Мужчина торопливо вошел в конюшню; по его виду было совершенно понятно, что он раздосадован намерением Саманты отправиться вместе с ними. Скинув капюшон с головы, Саманта стряхнула с него капли дождя; взгляд ее при этом не отрывался от помощника Билла. А он взял дощечку, на которой были написаны имена работников и клички лошадей, задумчиво наморщил лоб и направился к ближайшему стойлу. «Леди», – гласила табличка, и почему-то – Саманта не могла бы внятно объяснить, почему, – ее сразу взбесил его выбор. Значит, раз она женщина, ей надо ездить на Леди? Саманта инстинктивно почуяла, что ей навяжут эту кобылу до конца пребывания здесь, и молила бога, чтобы Леди хотя бы не оказалась жалкой клячей.

– Вы хорошо сидите в седле?

Она снова лишь кивнула в ответ, не желая хвастаться и боясь его обидеть, ведь, по правде говоря, она наверняка ездит верхом лучше большинства мужчин на ранчо, однако он должен увидеть это своими глазами... если, разумеется, удостоит ее взглядом. И вновь он углубился в чтение списка, а она стояла и глазела на его затылок, на темные волосы, спадав-

шие на воротник... Перед ней был сильный, чувственный мужчина лет сорока с небольшим. В нем было что-то пугающее, что-то неистовое, упорное, решительное. Саманта ощутила это, не успев с ним познакомиться, и ее охватил чуть ли не страх, когда он опять повернулся к ней и покачал головой.

– Не пойдет. Для вас она, наверное, слишком резвая. Лучше поезжайте на Рыжике. Он вон там, в глубине конюшни. Возьмите в подсобке седло и садитесь верхом. Мы выезжаем через десять минут. – Мужчина посмотрел на нее с раздражением. – Вы за десять минут управитесь?

Неужели он думает, что она будет два часа седлать лошадь?

Саманта вдруг вспыхнула.

– Я управлюсь и за пять. А может, еще быстрее.

Он ничего не сказал, повесил дощечку на стену, где она всегда висела, быстро прошел к стойлам, оседлал свою лошадь и неторопливо вывел ее на улицу. Спустя пять минут все мужчины уже позавтракали, и на конюшне поднялся бешеный гвалт: слышались свистки, смех, шум, лошади били копытами, приветствуя своих обычных седоков, и ржали, глядя друг на друга, когда мужчины выводили их из конюшни. В дверях создалась пробка, как на шоссе; мало-помалу все вышли на сырой двор и, весело переговариваясь, столпились под морозящим дождем.

Большинство мужчин надело поверх курток дождевики, и Джош протянул такой же плащ Саманте, когда она медленно вывела своего коня во двор. Ей достался крупный, невозмутимый гнедой конь, не резвый и даже апатичный. Саманта уже заподозрила, что он способен остановиться как вкопанный у ручья, заупрямиться и не идти вперед, обгладывать кусты, при любом удобном случае щипать траву и проситься домой, как только она хотя бы посмотрит в сторону конюшни. Да, денек обещал быть нелегким, и Саманта вдруг пожалела о том, что взялась на Леди. Но главное, ей не терпелось доказать помощнику управляющего, что она достойна гораздо лучшего коня.

«Такого, как Черный Красавчик», – улыбнулась про себя Саманта, вспомнив про рысака Кэролайн.

Ей так хотелось прокатиться на нем. Тогда бы она показала этому суровому типу, явно презиравшему женщин, класс верховой езды!

«Интересно, Билл Кинг когда-нибудь напоминал его?» – подумала Сэм и пришла к выводу, что Билл, наверное, был еще хуже.

Билл Кинг был и оставался суровым управляющим, а этот человек не сделал ей, в общем-то, ничего плохого, только дал смирную лошадь.

Немного подумав, Саманте пришлось признать, что это вполне разумный поступок, когда перед тобой неизвестная наездница, тем более из такого места, как Нью-Йорк. Да может, она вообще ездить верхом не умеет? Так что, если Кэролайн не попыталась заранее настроить своих ребят положительно по отношению к ней, Саманте, поведение этого человека вполне объяснимо.

Мужчины надели плащи и сидели на лошадях под дождем: болтали, объединившись в небольшие группки, и ждали, пока помощник управляющего даст им задание на день. Двадцать восемь парней никогда не выезжали на работу все вместе, а разбивались на маленькие отряды по четыре-пять человек и, разъехавшись в разные концы ранчо, занимались нужными делами. Каждое утро Билл Кинг или его помощник приходили к ним, давали словесные поручения и распределяли, кто где и с кем будет работать. И теперь – как всегда, когда Билла Кинга не было на месте, – высокий темноволосый мужчина спокойно переходил от одного работника к другому, говоря, чем они должны будут сегодня заниматься. Он дал Джошу четверых помощников и послал их к южной границе ранчо, велел заняться поисками больших животных или животных, отбившихся от стада. Двум другим группам предстояло

проверить, целы ли ограждения – помощник Билла подозревал, что они кое-где поломаны. Еще одной четверке было поручено привезти двух больных коров, лежавших у реки. Ну а сам помощник управляющего собирался вместе с четырьмя мужчинами и Самантой прочесать территорию ранчо на севере, поскольку там, насколько ему стало известно, находились три отбившиеся от стада коровы, которые вот-вот должны были отелиться. Саманта молча выехала вслед за своими спутниками со двора, она спокойно трусила на Рыжике и мечтала о том, чтобы дождь наконец прекратился. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем они поехали побыстрее, и Саманте пришлось в который раз убедиться в том, что западные седла не приспособлены для езды рысью. Ей было странно сидеть в большом удобном седле, она больше привыкла к менее просторным и более плоским английским седлам, которые использовались для скачек с препятствиями и на соревнованиях в Медисон-сквер-гарден. Однако тут не только седла, но и вся жизнь была иной...

Саманта лишь разок тихонько улыбнулась, попытавшись себе представить, как проходит сегодняшнее утро у нее на работе. С ума сойти! Всего два дня назад на ней был голубой костюм от Диора и она вела переговоры с новым клиентом, а теперь ищет заблудившихся коров на ранчо! При мысли об этом – их небольшая кавалькада как раз взобралась на вершину невысокого холма – Саманта чуть не залилась громким хохотом. Ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы прогнать с лица улыбку... да, контраст между тем, чем она занималась совсем недавно и занимается теперь, настолько разителен, что даже нелепо! Время от времени Саманта ловила на себе взгляд помощника управляющего: казалось, он проверяет, не свалилась ли она с лошади. Как-то раз она чуть было не сорвалась и не сказала ему пару ласковых, когда он, проезжая мимо, велел ей натянуть вожжи: Рыжик в этот момент отчаянно пытался дотянуться губами до травы. Саманта всего на секунду позволила ему пощипать травку, надеясь, что упрямое животное немного умиротворится и можно будет двигаться дальше. А темноволосый деспот, похоже, решил, что Саманта не в состоянии управлять лошадью. Ее эта мысль привела в бешенство.

«Да я нарочно!» – хотела крикнуть ему вслед Саманта, но он, видно, тут же позабыл о ней и спокойно заговорил с двумя своими спутниками.

Саманта обратила внимание на то, что все они считают его начальством. Мужчины разговаривали с ним так же, как с Биллом Кингом: с затаенной опаской, ограничиваясь короткими, почтительными ответами и торопливыми кивками. Никто не задавал ему вопросов, никто не оспаривал его слов. В разговорах с ним почти не было юмора; когда он обращался к парням или они к нему, помощник Билла очень редко улыбался. Почему-то он начал раздражать Саманту. Даже в той самоуверенности, с которой он держался, Саманте чудился открытый вызов.

– Ну как? Нравится кататься? – спросил он немного погодя, поравнявшись с Самантой.

– Очень, – ответила она сквозь стиснутые зубы: дождь к тому времени усилился. –

Погода просто чудесная.

Саманта улыбнулась, но не увидела на его лице ответной улыбки. Помощник Билла молча кивнул, и она мысленно назвала его болваном, лишенным чувства юмора. Постепенно ноги ее устали, ягодицы заныли, седло постоянно терлось о джинсы, и кожа уже зудела так, что хотелось кричать. Подошвы ног оковенели, руки не разгибались... Саманта уже решила, что эта попытка не кончится никогда, как вдруг они остановились, чтобы перекусить. Всадники очутились на дальнем конце ранчо, перед домиком, специально предназначенным для этих целей. Там имелись стол, несколько стульев и все необходимое для приготовления еды: электроплитки и проточная вода. Сэм увидела, что помощник управляющего привез провизию в своей седельной сумке. Каждый получил по большому сэндвичу с индейкой и ветчиной; кроме того, в домик внесли и быстро опорожнили два больших термоса. В одном

был суп, а в другом – кофе. В следующий раз помощник управляющего обратился к Саманте, когда она смаковала последние глотки кофе.

– Все нормально, мисс Тейлор? – В голосе мужчины звучала легкая насмешка, но глаза на сей раз смотрели добрее.

– Да, спасибо. А как вы, мистер... видите ли, я не знаю, как вас зовут, – Саманта мило улыбнулась ему, и он наконец-то ухмыльнулся в ответ.

Да, в этой девчонке что-то есть, это точно! Он сразу почувствовал, еще когда предложил ей Леди. В глазах Саманты промелькнула тогда досада, но ему было совершенно наплевать на ее желания. Мало ли на какой лошади ей захочется ехать! Он даст ей самую смиренную – и точка. Не хватало только, чтобы какая-то фифа из Нью-Йорка переломала тут себе кости! Ему важнее всего, чтобы она осталась целой и невредимой, но пока, похоже, девица неплохо справляется. И потом, надо признать, что когда человек едет верхом на такой ленивой лошади, трудно понять, какой он на самом деле наездник.

– Меня зовут Тейт Джордан. – Он протянул Сэм руку, и она опять не поняла, серьезно он говорит или издевается. – Как вам у нас, нравится?

– Да, тут чудесно, – Саманта одарила его ангельской улыбкой. – Погода великолепная. Лошадь – высший класс. Люди прекрасные...

Она на секунду умолкла, он поднял брови.

– А еда? Неужели вы ничего не скажете про еду?

– Сейчас скажу, дайте подумать.

– Я не сомневаюсь, что вы придумаете. Должен признаться, ваше желание покататься сегодня меня удивило. Вы могли бы подождать до лучших времен, когда распогодится.

– А зачем? Вы же не стали ждать, правда?

– Нет. – В его взгляде появилась почти откровенная насмешка. – Но это совсем не одно и то же.

– Добровольцы всегда стараются больше. Вы этого не знали, мистер Джордан?

– Пожалуй, нет. У нас тут не так много добровольцев. А вы тут бывали раньше? – Он впервые посмотрел на нее с интересом, однако им двигало любопытство, а вовсе не желание подружиться с Самантой.

– Да, я приезжала, но не надолго.

– И Кэролайн разрешала вам выезжать на работу вместе с мужчинами?

– Вообще-то нет... Ну, может быть, иногда, да и то это было... больше для развлечения.

– А теперь? – Он снова вопросительно поднял брови.

– Да и теперь, наверное, тоже, – Саманта улыбнулась уже искренней.

Она могла бы сказать ему, что это скорее психотерапия, но не желала выдавать своих секретов. Вместо этого ей вдруг захотелось его поблагодарить.

– Я вам признательна за то, что вы разрешили мне поехать с вами. Я знаю, как трудно бывает терпеть рядом с собой новичка. – Однако она не собиралась извиняться за то, что родилась женщиной. Этого еще не хватало! – Надеюсь, что и я смогу оказаться вам чем-нибудь полезной.

– Может быть. – Он кивнул и отошел в сторону.

И больше не заговаривал с ней до вечера. Животных, отбившихся от стада, они так и не нашли, зато часа в два повстречались с парнями, чинившими ограду, и присоединились к ним. От Саманты в этой работе было мало проку, тем более что – если уж говорить правду – она к трем часам так устала, что была готова заснуть прямо на лошади, под проливным дождем, в любых условиях. К четырем вид у нее был уже совсем жалкий, а к половине шестого, когда они повернули назад, Сэм не сомневалась, что, спешившись, будет не в состоянии пошевелиться. Из одиннадцати с половиной часов, которые они пробыли на работе, она провела верхом на лошади, под дождем, одиннадцать часов и думала, что вполне может

ночью отправиться на тот свет. Когда всадники подъехали к конюшне, Саманта еле сползла с лошади и наверняка упала бы, если бы Джош не поддержал ее: колени у нее подгибались, сил совсем не осталось. Поймав его озабоченный взгляд, Саманта устало усмехнулась и с благодарностью оперлась о его руку.

– По-моему, ты сегодня перестаралась, Сэм. Почему ты не вернулась домой пораньше?

– Да вы что, смеетесь? Я скорее умерла бы! Если тетя Каро с этим справляется, то и я могу... – Саманта уныло взглянула на своего старого мерина и добавила. – Могу ли?

– Мне неприятно тебе об этом напоминать, малышка, но Кэролайн ездит верхом гораздо дольше тебя и занимается этим каждый день. А ты завтра будешь чувствовать себя совершенно разбитой.

– Плевать, что будет завтра! Мне важно то, как я сейчас себя чувствую!

Весь этот разговор велся шепотом в стойле Рыжика. Конь пировал, жадно набросившись на сено, и не обращал на них никакого внимания.

– Ты можешь идти?

– Постараюсь. Не поползу же я по-пластунски.

– Хочешь, я тебя понесу?

– Да я бы с удовольствием, – усмехнулась Саманта. – Но что скажут остальные?

При мысли об этом оба рассмеялись, потом Сэм подняла на Джоша глаза, и вдруг... вдруг они снова вспыхнули. Она только сейчас заметила красивую бронзовую табличку, на которой было выбито имя...

– Джош! – Саманта вмиг позабыла про все свои мучения. – Это Черный Красавчик, да?

– Да, мэм. – В улыбке Джоша сквозило восхищение как Самантой, так и породистым скакуном. – Вы желаете на него взглянуть?

– Да я готова по гвоздям идти, последние силы отдать, чтобы его увидеть, Джошуа! Отведите меня к нему.

Он взял Саманту под руку и помог ей проковылять по конюшне. Все остальные к тому времени уже ушли, и в помещении звучали только голоса Саманты и Джоша.

Издали казалось, что в стойле пусто, но приблизившись, Саманта заметила, что конь стоит в дальнем углу. Она тихонько свистнула, он медленно подошел к ним и ткнулся носом в ее руку. Саманта в жизни не видела такую красивую лошадь, это было настоящее произведение искусства: черная бархатная шкура, на лбу – белая звезда, на передних ногах белые чулочки. Грива и хвост были такого же иссиня-черного цвета, как и шкура, а большие глаза смотрели ласково. Ноги жеребца отличались удивительным изяществом. При этом конь был прямо-таки богатырских размеров.

– Боже мой, Джош! Это невероятно!

– Красавец, правда?

– Не то слово! Я таких прекрасных лошадей еще не встречала, – Сэм была потрясена. – Какой у него рост?

– Семнадцать с половиной ладоней, почти восемнадцать. – Джош сказал это с гордостью и удовольствием; Саманта тихонько присвистнула.

– Вот на ком мне хотелось бы прокатиться.

– Ты думаешь, Кэролайн тебе разрешит? Мистеру Кингу не нравится, даже когда она сама на нем ездит. Ведь конь страшно норовистый. Пару раз он чуть не сбросил Кэролайн, а это не так-то легко сделать. Я не видел другой лошади, которая могла бы сбросить мисс Каро.

Саманта не отрываясь глядела на коня.

– Она сказала, что я смогу на нем покататься. Меня он не сбросит, могу поспорить на что угодно!

– Я бы на вашем месте не рисковал, мисс Тейлор. – Голос, раздавшийся у нее за спиной, принадлежал не Джошу; это был другой, низкий, прокуренный голос, он звучал тихо, но в нем не было ни капли тепла.

Саманта медленно повернулась, и, когда увидела Тейта Джордана, ее глаза вспыхнули.

– Почему это вы на моем месте не рисковали бы? Вы думаете, мне больше подходит Рыжик? – Она вдруг взбеленилась.

Усталость, боль и досада сплелись в клубок, и Саманта оказалась уже не в силах совладать со своими эмоциями.

– Не знаю, не знаю. Но эти два коня отличаются как земля и небо, а я еще не видел женщины, которая ездил бы верхом лучше, чем мисс Кэролайн. Так что если уж у нее были неприятности с Черным Красавчиком, то вам придется еще тяжелее, можете не сомневаться.

Вид у него был безумно самоуверенный, и Джош вдруг смутился: ему явно было не по себе из-за того, что приходится присутствовать при этом «обмене любезностями».

– Ах, вот как? Очень интересно, мистер Джордан. Итак, вы еще не видели женщины, которая ездил бы верхом лучше, чем Кэролайн. А значит, с мужчинами ее все-таки не сравнить?

– Это совершенно разные вещи.

– Не всегда. Могу поспорить, что я управляюсь с этой лошастью гораздо лучше, чем вы.

– С чего это вы решили? – Он сверкнул на нее глазами, однако это продолжалось всего мгновение.

– Я много лет подряд ездил на таких лошадях, – Саманта сказала это просто со злости, потому что ужасно устала, однако Тейта Джордана ее слова не обрадовали и даже не позабавили.

– Не всем нам была предоставлена столь счастливая возможность. Мы здесь довольствуемся тем, что есть, и стараемся, как можем.

Услышав эти слова, Саманта густо покраснела; Тейт дотронулся до полей своей шляпы, кивнул ей, не глядя на стоявшего рядом с Самантой работника, и вышел из конюшни.

Мгновение они молчали, а потом Джош взгляделся повнимательней в лицо Саманты. Пытаясь сохранить невозмутимость, она погладила морду Красавчика и подняла глаза на Джоша.

– Противный тип, да? Он всегда так себя ведет?

– Пожалуй. Когда дело касается женщин. Жена давно его бросила. Сбежала с сыном хозяина одного ранчо и вышла за него замуж. Он даже усыновил сынишку Тейта. А потом они погибли. Жена и ее новый муж разбились в автомобильной катастрофе. И Тейт опять забрал мальчонку к себе, хотя тот уже не носил его фамилию. По-моему, Тейту безразлично, чью фамилию носит мальчик. Он в нем души не чает. А вот про жену никогда ни слова не говорит. Наверно, после этой истории у него оскомина на женщин. За исключением... – на мгновение к щекам Джоша прилила краска, – за исключением гулящих. По-моему, он ни с какими другими не связывается. Да, черт побери... а сыну его вроде бы уже двадцать два, так что сама понимаешь, как давно все это было.

Сэм задумчиво кивнула.

– А вы знаете этого паренька?

Джош пожал плечами и покачал головой.

– Нет. В прошлом году Тейт нашел ему тут неподалеку работу, но он не любит распространяться ни о своей жизни, ни о сыне. Считает это своим глубоко личным делом. Да большинство мужчин так считает! Но с сыном он видится каждую неделю. Парень живет поблизости.

«Еще один одинокий человек», – сказала себе Сэм и подумала: а ковбои бывают не одинокими?

Но в Тейте было что-то необычное. В его суждениях чувствовался гибкий ум... Не успела Саманта задуматься о том, что из себя представляет Тейт Джордан, как Джош покачал головой и произнес с хорошо знакомой усмешкой:

– Не переживай, Сэм. Он не хотел тебя обидеть. У него просто такие манеры. Ощетинится, как дикобраз, но душа у него добрая. Видела бы ты, как он играет с детьми на ранчо. Он наверняка был хорошим отцом своему мальчику. И потом, Тейт ведь с образованием! Отец его владел ранчо и послал его в хорошую школу. Тейт даже в колледже учился и получил диплом специалиста... уж не знаю, в какой области... но потом его старик умер, и они потеряли ранчо. Наверно, тогда-то он и нанялся на другое ранчо, к хозяину, с чьим сыном потом сбежала жена Тейта. Наверняка все это не прошло для него бесследно. По-моему, Тейт вполне доволен тем, что имеет, и не хочет ничего больше. Ни для себя, ни для своего парня. Он обыкновенный сельскохозяйственный рабочий, как все мы. Но Тейт умен и когда-нибудь станет управляющим. Не здесь – так еще где-нибудь. Надо отдать ему должное. С ним нелегко, но мужик он отличный.

Сэм призадумалась. Болтливый Джош рассказал ей гораздо больше того, что ей на самом деле хотелось знать о Тейте Джордане.

– Ну что, пойдём к дому? – Джош ласково посмотрел на промокшую под дождем до нитки миловидную молодую женщину с усталым лицом. – Как ты, доплетешься?

– Если вы меня хоть раз еще спросите, Джош, я вас ударю! – Саманта яростно сверкнула на него глазами.

Джош рассмеялся.

– Черта с два! – Он захохотал еще громче. – Да ты не в состоянии ногу от земли оторвать, ты даже малюсенькую шавку пнуть не сможешь, Саманта.

И он радовался своей шутке все время, пока они шли к хозяйскому дому. В самом начале седьмого Кэролайн открыла им дверь, и Джош оставил Саманту у порога, препоручив ее хозяйке ранчо. Кэролайн не сумела сдержать улыбку, когда Сэм еле вошла в уютную гостиную и со стоном рухнула на диванчик. По дороге Саманта успела скинуть куртку, а поскольку джинсы ее под плащом не промокли, она не боялась испортить мебель и поспешила сесть.

– Боже мой! Неужели ты весь день провела в седле, девочка? – Сэм кивнула: она так утомилась, что почти не могла говорить. – Но почему ты не вернулась домой, когда начала уставать?

– Не хотела показаться слюнтяйкой...

Сэм страшно застонала, но все же умудрилась улыбнуться Кэролайн, которая покати-лась со смеху и с размаху шлепнулась на диван рядом с ней.

– О Саманта! Какая же ты дуреха! Ты ведь завтра будешь умирать.

– Не буду. Завтра я опять сяду на эту проклятую лошадь. – И Саманта снова застонала, но на этот раз не столько от боли, сколько от воспоминаний о своем «рысаке».

– А какую лошадь тебе дали?

– Жалкую старую клячу. Рыжика.

Сэм с откровенным отвращением посмотрела на Кэролайн, и та засмеялась еще веселее.

– О господи! Не может быть! Неужели?

Саманта кивнула.

– Но кто, черт возьми, это сделал? Я же им всем сказала, что ты едешь верхом не хуже любого мужчины.

– А они не поверили. Во всяком случае, Тейт Джордан не поверил. Он чуть было не дал мне Леди, но потом решил, что лучше отправить меня на Рыжике.

– Завтра скажи ему, что хочешь взять Навахо. Это прекрасный конь, на нем ездим только мы с Биллом.

– Чтобы другие на меня зуб точили?

– А что, сегодня такое было?

– Не уверена. Это народ неразговорчивый.

– Они и друг с другом мало разговаривают. Но если ты моталась сегодня с ними весь день, с самого утра, то с какой стати им на тебя зуб точить? Господи боже мой, с первого дня такая нагрузка!

Кэролайн явно ужаснул поступок Саманты.

– Но разве вы не сделали бы то же самое? – Кэролайн немного подумала, а затем смущенно усмехнулась и кивнула: дескать, сделала бы. – Кстати, я видела Черного Красавчика.

– Ну и как он тебе? – Глаза Кэролайн засияли.

– Мне его украсть захотелось... или хотя бы покататься на нем. Но, – Саманта опять сверкнула глазами, – мистер Джордан считает, что мне не следует пробовать. По его убеждению, кататься верхом на Черном Красавчике – не женское занятие.

– А как же я? – Кэролайн была очень позабавлена.

– Он говорит, что другой такой наездницы, как вы, он не видел. Я с ним даже сцепилась по этому поводу. Почему он подчеркивает, что речь идет именно о наездницах, то есть о женщинах?

Но Кэролайн лишь рассмеялась в ответ на ее возмущенную тираду.

– Что тут смешного, тетя Каро? Лучше вас никто вообще не ездит на лошади!

– Среди женщин, – уточнила Кэролайн.

– Вам смешно?

– Я привыкла к такому отношению. Билл Кинг тоже так считает.

– Да, мужики тут у вас нахальные, – простонала Саманта, слезая с диванчика и плетясь к себе в комнату. – Ладно, если я смогу завтра заставить Тейта Джордана дать мне более приличную лошадь, я буду считать, что одержала великую победу во имя женщин. Как зовут лошадь, про которую вы говорили?

– Навахо. Ты просто скажи, что я велела.

Саманта шутливо закатила глаза и в следующее мгновение скрылась в глубине коридора.

– Удачи! – крикнула ей вслед Кэролайн.

А Саманта умылась, вернулась в свою прелестную спальню и, принявшись расчесывать волосы, вдруг сообразила, что сегодня впервые за три месяца не была готова горы свернуть, лишь бы посмотреть вечернюю телепередачу, которую вели Джон и Лиз. И даже не сожалела, что пропустила ее! Она оказалась в совершенно другом мире. В мире Рыжиков и Навахо. И помощников управляющего, которые верили, что они управляют этим миром. Жизнь была здесь очень простой и цельной, а самым серьезным вопросом оказывалось то, какую лошадь выделяют ей для завтрашней поездки.

Улегшись в постель вскоре после ужина, Саманта снова сказала себе, что столь блаженно-простого существования она не знала со времен детства. А потом, когда в голове уже почти не осталось мыслей, прямо перед тем как заснуть, она услышала знакомый звук закрывающейся входной двери, и на сей раз до ее слуха точно долетели звуки приглушенных шагов и тихого смеха, раздавшегося из холла.

5

Наутро Саманта с душераздирающими стонами выползла из постели, поковыляла в душ и целых пятнадцать минут стояла под горячей водой, обмывая ноющее тело. После одиннадцатичасового пребывания в седле кожа под коленями стала почти пунцовой, и перед тем, как осторожно влезть в джинсы, Саманта обложила себе ноги ватой и надела сверху дамские панталоны. Единственным положительным моментом было то, что дождь наконец прекратился, и когда Сэм по дороге в столовую, на завтрак, взгляделась в предрассветный сумрак, она увидела на небе звезды. Этим утром она уже не так робела, войдя в столовую. Повесив куртку на крючок, Саманта сразу направилась к автомату, готовившему кофе, и наполнила высокую кружку дымящейся жидкостью. Заметив за дальним столом своего старинного приятеля Джоша, она с улыбкой подошла к нему, и он усадил ее рядом с собой.

– Ну, как самочувствие, Саманта?

Она горестно усмехнулась и, сев на пустой стул, заговорщически понизила голос:

– Я только одно могу сказать, Джош: хорошо еще, что мы поедем верхом.

– Почему?

– А потому что ходить я бы точно не смогла! Я почти ползком ползла сюда из дома Кэролайн.

Джош и другие мужчины, сидевшие за столом, покатались со смеху, и один из них похвалил Саманту за то, что она накануне проявила такую выносливость.

– Ты отлично ездешь на лошади, Саманта.

Хотя на самом деле у нее не было возможности продемонстрировать им все свое умение, поскольку дождь лил как из ведра.

– Когда-то я ездила хорошо. Но это было давно.

– Не имеет значения, – решительно возразил Джош. – У тебя хорошая посадка и хорошая хватка, а это сохраняется по гроб жизни. Ты сегодня опять на Рыжике поедешь, Сэм?

Джош поднял брови; Саманта передернула плечами и отпила глоток кофе.

– Посмотрим. Не думаю.

Джош только улыбнулся в ответ. Он знал, что Саманта не будет долго терпеть старую клячу. Особенно после того, как она увидела Черного Красавчика! Джош сказал себе, что очень удивится, если Саманта в скором времени не усядется на Красавчика верхом.

– Ну а как тебе понравился вчера наш богатырь? – Джош даже заулыбался от удовольствия.

– Черный Красавчик?

Когда Саманта произнесла это имя, в ее глазах появился какой-то особый свет. Эту страсть далеко не все способны понять... Джош кивнул и ухмыльнулся.

– Я такого великолепного жеребца никогда не видела.

Джош не удержался и спросил:

– Мисс Каро разрешит тебе на нем покататься?

– Если мне удастся ее уговорить... а я уж постараюсь! – Сэм улыбнулась Джошу через плечо, направляясь к очереди, выстроившейся в ожидании завтрака.

Спустя пять минут она вернулась с тарелкой, на которой лежала ветчина с сосисками. Двое ее соседей по столу за это время пересели за другой стол, а Джош уже нахлобучивал шляпу.

– Чего это вы так рано, Джош?

– Да я пообещал Тейту, что зайду перед выездом на работу в конюшню, надо ему помочь, – Джош улыбнулся, потом перебросился парой фраз с приятелем и ушел.

Через двадцать минут Саманта зашла в конюшню и растерянно оглянулась, ища Тейта; она сама не знала, как завести с ним разговор о том, что хорошо бы ей дать другую лошадь. В то же время она не собиралась снова соглашаться на старого лентяя, которого Тейт дал ей в прошлый раз. Раз Кэролайн предложила Навахо, значит, он куда больше ей подходит!

Несколько мужчин, проходя мимо, кивнули Саманте. Похоже, ее присутствие уже не так их раздражало, как накануне. Саманта подозревала, что, даже ожидая увидеть ее сегодня утром, они еще не до конца поняли ее характер. Но в то же время Сэм было ясно, что сердца их можно покорить, только если ездить с ними на равных под проливным дождем, не седуя на усталость. А раз она хочет провести ближайшие три месяца на ранчо Кэролайн, среди ковбоев, важно, чтобы они перестали считать ее чужой. Но от Сэм не укрылось, что на нескольких парней ее внешность и молодость произвели впечатление; накануне вечером она видела, как один из них завороченно уставился на нее, когда она сняла с волос резинку и тряхнула своей длинной гривой пепельно-белокурых волос. Поймав на себе взгляд парня, Саманта ответила мимолетной улыбкой, а он густо покраснел и отвернулся.

– Доброе утро, мисс Тейлор! – Чей-то решительный голос ворвался в приятные размышления Сэм, и, подняв глаза на Тейта Джордана, она вдруг поняла, что готова пережить любую неловкость, лишь бы не трястись целый день на плохой лошади, повинувшись его приказанию.

В его взгляде было столько упрямой самоуверенности, что она моментально взбеленилась, стоило Тейту повернуть к ней голову.

– Наверное, вы устали после вчерашнего?

– Да вообще-то нет.

Уж кому-кому, а Тейту она не собирается жаловаться на усталость и на ломоту во всем теле! Устала ли она? Разумеется, нет!.. Одного взгляда на него достаточно, чтобы понять, каким могущественным и важным он себя считает. Надо же, помощник управляющего ранчо! Неплохо, мистер помощник. Биллу Кингу уже шестьдесят три, и он в любой момент может удалиться на покой, оставив Тейту Джордану в наследство свои громадные башмачищи. Хотя... Джордан, конечно, не будет смотреться в этой роли так внушительно, как Билл Кинг... не будет таким же умным, добрым и даже мудрым начальником... Саманта не понимала почему, но Тейт Джордан ужасно ее раздражал; любому постороннему человеку, который взглянул бы сейчас на Тейта, намеревавшегося отойти от Саманты, стало бы понятно, что между ними существуют скрытые трения.

– Э-э... Мистер Джордан! – Саманта неожиданно почувствовала странное наслаждение от того, что может его уечь.

– Да? – Тейт повернулся к ней лицом, держа на плече седло.

– Мне бы хотелось поехать на другой лошади.

Ее глаза были холодны как стекло, а его внезапно сверкнули.

– К чему вы клоните? – В его голосе звучал скрытый вызов.

Саманту так и подмывало сказать, что она мечтает прокатиться на Черном Красавчике, но затем она решила не тратить на него свою иронию.

– Кэролайн считает, что мне вполне подойдет Навахо.

Джордан досадливо нахмурился, но потом кивнул и отвернулся, рассеянно бросив через плечо:

– Что ж, можно.

Эти слова еще больше разозлили Саманту. Почему ей требуется его разрешение? Разум подсказывал, что по очень простой причине, однако Саманта еще долго кипятилась: и подойдя к стойлу Навахо, и найдя в смежной комнатухе седло и уздечку, и вернувшись к коню, чтобы его оседлать. Это был прекрасный конь: морда светлая, с подпалинами, бока бурые, и очень характерный круп – белый, с большими коричневыми пятнами. Конь стоял

смирно, пока Саманта водружала ему на спину седло и закрепляла подпругу, однако едва она вывела его из конюшни, стало ясно, что он гораздо норовистей Рыжика. Саманте пришлось немного попотеть, подчиняя его своей воле: он целых пять минут то и дело взвивался на дыбы, едва она пыталась присоединиться к ковбоям, которые уже начали выезжать со двора. Саманта попала в ту же группу, в которой она была накануне, и по дороге к холмам заметила, что Тейт Джордан наблюдает за ней с явным неодобрением.

– Вы считаете, что справитесь с ним, мисс Тейлор? – Голос мистера Джордана был звучен, как колокол, и когда он, проезжая мимо, критически поглядел на то, что выделявала ее лошадь, Саманте вдруг страшно захотелось ему врезать.

– Я очень постараюсь, мистер Джордан.

– По-моему, вам все же следовало взять Леди.

Саманта не произнесла в ответ ни звука и поехала вперед. Через полчаса все уже были поглощены работой: искали отбившихся от стада животных и снова проверяли, цела ли ограда. Нашли больную телку, и двое мужчин принялись стегать ее кнутами, подгоняя к одному из больших коровников. К тому времени, как наконец был сделан перерыв на обед, они уже проработали шесть часов. Остановившись на поляне, работники привязали лошадей к деревьям, которые росли вокруг. Как обычно, всем раздали бутерброды и кофе, разговор велся лениво: все расслаблялись. К Саманте почти не обращались, однако ее это не тяготило; она закрыла глаза, подставив лицо зимнему солнцу, и потихоньку уносились мыслями все дальше...

– Вы, наверно, устали, мисс Тейлор.

Снова этот голос!

Саманта открыла один глаз.

– Да, в общем, нет. Я просто греюсь на солнышке. Вас это раздражает?

– Ну, что вы! – Он любезно улыбнулся. – Вам нравится Навахо?

– Очень, – Саманта открыла оба глаза и улыбнулась ему. А потом не удержалась от соблазна немного подразнить Тейта. – Хотя, конечно, не так, как мне понравилось бы ездить на Черном Красавчике.

Сэм лукаво улыбнулась, и было непонятно, серьезно она говорит или шутит.

– Это, мисс Тейлор, – он ответил улыбкой на улыбку, как игрок в теннис отбивает резкий удар, – было бы с вашей стороны ошибкой, и надеюсь, вы ее не сделаете. – Мистер Джордан кивнул с видом человека, умудренного опытом. – Вы расшибетесь. И опозоритесь. – Он снова ласково улыбнулся. – Страшно опозоритесь. На таком жеребце могут ездить немногие. Даже мисс Лорд приходится соблюдать осторожность, когда она выводит его из стойла. С Красавчиком шутки плохи, это... – Тейт запнулся, подбирая слова. – Это не лошадь для... людей, которые катаются верхом лишь иногда, от случая к случаю.

Держа в руке чашку с дымящимся кофе, мистер Джордан покровительственно посмотрел на Саманту сверху вниз своими зелеными глазами.

– А вы сами-то на нем ездили? – Вопрос прозвучал резко, глаза Саманты не улыбались.

– Однажды.

– И как он вам?

– Прекрасный конь. В этом вы можете не сомневаться. – В зеленых глазах вновь засветилась улыбка. – На нем ездить не то, что на Навахо. – Однако этим он давал понять, что с Навахо она в состоянии справиться! – По-моему, когда мы выезжали из дому, он задал вам жару, – добавил Тейт.

– И вы решили, что я с ним не совладаю? – Саманта чуть не расхохоталась.

– Да нет, я просто беспокоился. Ведь если вы разобьетесь, в этом буду виноват я, мисс Тейлор.

– Вы говорите как настоящий начальник, мистер Джордан. Но навряд ли мисс Лорд призовет вас к ответу, если я свалюсь с лошади. Она меня слишком хорошо знает.

– Что вы хотите этим сказать?

– А то, что я не привыкла ездить на таких лошадях, как Рыжик.

– Но неужели вы считаете, что справитесь с Черным Красавчиком?

Тейт был уверен, что ни Кэролайн Лорд, ни Билл Кинг не позволят Саманте прокатиться на этом жеребце. Черт возьми, даже ему – и то всего один раз дали проехаться на дорогом породистом скакуне!

Саманта спокойно кивнула.

– Да, я считаю, что справлюсь.

Тейт явно был позабавлен.

– Вот как? Вы настолько в себе уверены?

– Я просто знаю, что я умею, а что – нет. Я езжу хорошо. Не боюсь рисковать. И прекрасно осознаю, что делаю. А что касается опыта, то я езжу верхом с пяти лет. Это не так-то мало.

– И ездите каждый день? – в голосе Тейта снова появился вызов. – И много вы ездите верхом по Нью-Йорку?

– Нет, мистер Джордан, – мило улыбнулась Саманта. – Не много.

Но мысленно поклялась усесться верхом на Черного Красавчика, едва заручившись разрешением Кэролайн: во-первых, ей не терпелось на нем прокатиться, а во-вторых, ужасно хотелось доказать этому наглому ковбою, что она не ударит лицом в грязь.

В следующую минуту Тейт уже вернулся к подчиненным и подал сигнал к отъезду. Они вскочили в седла и остаток дня продолжали заниматься осмотром самых дальних уголков ранчо. Им удалось обнаружить еще нескольких телок, которые чуть было не вышли за границы владений Кэролайн, и на закате их пригнали домой. Саманте опять казалось, что она не сможет слезть с лошади, но Джош подждал Сэм у конюшни и потянулся к ней, когда она со стоном перекинула через Навахо ногу.

– Ну, как? Дойдешь сама, девочка?

– Сомневаюсь.

Джош лишь улыбнулся в ответ, глядя, как Саманта расседлывает лошадь и, чуть не падая, идет убирать на место седло и уздечку.

– Как прошел день?

Джош проследовал за Самантой и встал на пороге.

– Да вроде нормально. – Устало улыбнувшись, Саманта вдруг сообразила, что уже говорит как заправский ковбой, который не любит тратить слов попусту.

Только Джордан говорил иначе, да и то лишь обращаясь к ней. Тогда чувствовалось, что он человек образованный; во всех остальных случаях его речь ничем не отличалась от речи окружающих мужчин. Билл Кинг тоже подбирал выражения, разговаривая с Кэролайн, но его речь менялась не так сильно. Они вообще были совершенно разными: Билл Кинг и Тейт Джордан. Джордан гораздо меньше всех остальных напоминал неотшлифованный алмаз.

– Далеко отсюда до Нью-Йорка. Да, Саманта? – На морщинистом лице невысокого пожилого ковбоя появилась ухмылка, и Саманта в ответ закатила глаза.

– О да! Именно поэтому я к вам и приехала!

Джош кивнул. Он толком не знал, почему Саманта решила сюда приехать. Но догадывался. Ранчо – хорошее место для тех, у кого неприятности. Тяжелая работа, свежий воздух, хорошее питание и отличные лошади вылечат почти любую хворь. В животе не бывает пусто, вечером валишься с ног от усталости, солнце всходит и заходит, а ты думаешь только о том, нужно ли тебе подковать лошадь и пора ли починить забор на южной стороне ранчо. Другой жизни Джош не знал, но зато видел многих людей, перепробовавших самые разные

занятия и в конце концов вернувшихся сюда. Да, это хорошая жизнь! И Джош понимал, что Саманте она тоже пойдет на пользу. От чего бы она ни пыталась на самом деле убежать, такая жизнь ей поможет забыться. Накануне утром Джош заметил под глазами Саманты темные круги. Теперь они слегка посветлели.

Джош и Саманта вместе прошли мимо Черного Красавчика, и Сэм почти инстинктивно протянула руку, чтобы потрепать его по холке.

– Здравствуй, дружок! – тихо пробормотала Саманта, и жеребец заржал, словно она была его хорошей знакомой.

Саманта задумчиво посмотрела на коня, словно видела его впервые. Потом ее глаза вдруг странно вспыхнули, она вышла вместе с Джошем из конюшни, пожелала ему доброй ночи и медленно направилась к хозяйскому дому. Билл Кинг разговаривал с Кэролайн. Когда Саманта зашла в комнату, они умолкли.

– Добрый вечер, Билл... Каро! – Саманта улыбнулась им обоим. – Я вам не помешала? Она смутилась, но они поспешно замотали головами, давая понять, успокаивая ее.

– Конечно, нет, дорогая! – Кэролайн поцеловала Саманту, а Билл Кинг взял шляпу и поднялся с кресла.

– До завтра, милые дамы.

Он быстро ушел, и Саманта со вздохом растянулась на кушетке.

– Тяжко пришлось, да? – ласково посмотрела на нее Кэролайн.

Сама она не ездила верхом уже целую неделю. Перед Новым годом им с Биллом все еще предстояла куча бумажной работы, а времени оставалось кот наплакал – всего две недели. Кэролайн знала, что нужно хотя бы улучшить момент и поездить немного верхом на Черном Красавчике, пока он не стал совсем диким, но она даже этого не успевала сделать.

– Ты очень устала, Сэм? – Кэролайн посмотрела на Саманту с сочувствием.

– Устала? Вы, наверное, шутите? Я же столько лет подряд просидела в конторе за письменным столом! Нет, я не просто устала! Я совершенно разбита! И если бы Джош не стаскивал меня каждый вечер с лошади, я бы, наверное, так и спала в седле.

– Плохо дело.

– Да уж куда хуже!

Они рассмеялись, а мексиканка, прибиравшаяся в доме и готовившая еду, позвала их ужинать. Все было готово.

– О... Что это? – Саманта радостно наморщила нос, плетясь в большую кухню, красиво обставленную в деревенском стиле.

– Энчиладас³, фаршированный перец, тамалес⁴... Мои самые любимые блюда. Надеюсь, тебе тоже что-нибудь понравится.

Саманта расплылась в блаженной улыбке.

– После такого денька я и картон готова грызть, лишь бы его было много, и при условии, что потом мне дадут принять ванну и рухнуть в постель.

– Ладно, я это учту, Саманта. Ну а в остальном как все было? Надеюсь, тебя никто не обижал? – задавая последний вопрос, Кэролайн нахмурилась.

Саманта в ответ помотала головой и снова улыбнулась.

– О нет, все были очень милы.

Однако она чуть заметно запнулась, и Кэролайн моментально обратила на это внимание.

– Все, кроме...

---

³ Энчиладас – блюдо из креветок, приправленных острым соусом из перца.

⁴ Тамалес – пирожки из кукурузной муки с разной начинкой, обернутые банановыми листьями.

– Никаких «кроме». Я, правда, не думаю, что мы с Тейтом Джорданом станем лучшими друзьями, но он ведет себя вполне прилично. Просто, по-моему, он неодобрительно относится к тем, кто, как он выражается, «катается верхом лишь иногда, от случая к случаю».

Кэролайн усмехнулась.

– Да, пожалуй. Он человек необычный. В некоторых вопросах Тейт рассуждает как хозяин ранчо, но при этом с удовольствием гнет спину, работая не на себя. Он один из последних настоящих ковбоев. Отличный наездник и отличный работник. Это ковбой до мозга костей, который готов умереть за хозяина и сделать что угодно, лишь бы спасти ранчо. Мне повезло, что у меня есть такой работник, и когда-нибудь, – Кэролайн тихонько вздохнула, – он вполне заслуженно заступит на место Билла. Если останется здесь до того времени...

– А с чего бы ему не остаться? Тут ведь не жизнь, а малина! Вы всегда предоставляли своим работникам гораздо больше удобств, чем в других хозяйствах.

– Да, – Кэролайн задумчиво кивнула. – И всегда сомневалась, что для них это имеет такое уж большое значение. Это ведь странный народ. Они почти все делают из гордости, чтобы не уронить своего достоинства. Они готовы работать задаром, просто из уважения к человеку или потому, что он хорошо с ними обошелся, а от кого-нибудь другого уйдут, решив, что так надо. Предсказать, как они поступят, совершенно невозможно! Даже Билл непредсказуем. Я никогда точно не знаю, что он сделает в следующую минуту.

– А здорово, наверное, управлять таким ранчо, как ваше!

– Да, это интересное занятие, – улыбнулась Кэролайн. – Очень интересное, – Кэролайн вдруг перехватила взгляд Саманты, устремленный на часы. – Что-то не так, Сэм?

– О нет, – Саманта странно притихла. – Просто сейчас шесть часов.

– И что? – Кэролайн сразу не поняла, но потом до нее дошло. – Ты про выпуск новостей говоришь?

Саманта кивнула.

– Ты смотришь его каждый вечер?

– Я стараюсь не смотреть. – В глазах Сэм опять засквозила мука. – Но в конце концов не выдерживаю.

– Может, тебе и сейчас стоит посмотреть?

– Нет, – Саманта медленно помотала головой.

– Хочешь, я скажу Лусии-Марии, чтобы она принесла сюда телевизор? Она принесет, можешь не сомневаться!

Однако Сэм опять покачала головой.

– Нет, я все равно должна прекратить. – У нее вырвался еле слышный вздох. – И лучше сделать это прямо сейчас.

Это напоминало борьбу с наркоманией. Да, ежевечерняя привычка впиваться взглядом в лицо Джона Тейлора была своего рода наркотиком...

– Я могу тебя чем-нибудь отвлечь? Может, хочешь выпить? Или посмотришь новости конкурирующей телекомпании? Или пососешь леденец? А хочешь, я разрешу тебе разорвать что-нибудь в мелкие клочья?

Кэролайн подшучивала над ней, и Саманта наконец рассмеялась. Какая же она прекрасная женщина! Все понимает!

– Ничего, я и так справлюсь с собой, но раз уж вы заговорили о лекарстве... – Саманта поглядела на сидевшую напротив нее за столом Кэролайн; в глазах Сэм читалась огромная мольба... как у девочки, которой до смерти хочется надеть на школьный вечер мамину норковую шубу. В приглушенном свете лампы ее лицо, обрамленное белокурыми волосами, струившимися по плечам, казалось еще моложе, чем обычно. – Мне хотелось бы попросить вас об одолжении.

– О каком? По-моему, ты тут и так можешь получить все, что угодно.

– Нет, не что угодно, – по-детски лукаво усмехнулась Саманта.

– И что же это может быть?

Саманта прошептала два заветных слова:

– Черный Красавчик.

Кэролайн на мгновение задумалась, а потом внезапно расхохоталась.

– Так вот в чем дело! Понятно...

– Тетя Каро... можно?

– Что «можно»? – Кэролайн Лорд царственно откинула назад голову, однако в глазах ее мерцали веселые искорки.

Но Саманту не так-то легко было сбить с толку.

– Можно мне на нем покататься?

Кэролайн долго не отвечала: ее вдруг охватило волнение.

– А тебе кажется, ты уже готова к этому?

Саманта кивнула, осознавая правоту Джоша, который сказал:

«Если ты что-нибудь заполучишь, то уже из рук не выпустишь».

– Да, – сказала Саманта.

Кэролайн задумчиво посмотрела на нее. Стоя рядом с Биллом у большого окна, она видела, как Сэм въехала во двор. У Сэм в крови любовь к лошадям. Лошади – это как бы часть ее существа, она инстинктивно все делала правильно, даже после годичного перерыва.

– А почему тебе хочется на нем прокатиться? – Кэролайн наклонила голову набок, позабыв про еду.

Когда Саманта вновь заговорила, голос ее звучал тихо-тихо, а глаза смотрели как-то отстраненно; она позабыла и про выступление своего бывшего мужа, и про женщину, к которой он ушел... Она могла думать сейчас только об ослепительно прекрасном черном жеребце, стоявшем в конюшне, и о том, как страстно ей хочется ощутить его под собой и поскакать навстречу ветру.

– Я не знаю почему. – Сэм честно поглядела на Кэролайн и улыбнулась. – Просто у меня такое чувство, будто... будто, – она запнулась, и в глазах ее вновь появилась отрешенность, – будто я должна это сделать. Я не могу объяснить, Каро, но в этом коне есть что-то особенное.

На губах Сэм заиграла отрешенная улыбка, и тут же ее отражение появилось в глазах Кэролайн.

– Я знаю. Я тоже это почувствовала. Потому и купила его. Хотя женщине моего возраста не пристало ездить на таком норовистом жеребце. Но я должна была его купить, должна была поездить на таком напоследок.

Саманта кивнула в знак полного понимания, и, посмотрев друг другу в глаза, женщины ощутили нечто особенное, что всегда их объединяло; эта связующая нить протянулась сквозь годы и расстояния. В некотором смысле они были одинаковыми, родственными душами, как мать и дочь.

– Ну, так что? – с надеждой посмотрела на Кэролайн Саманта.

– Ладно, – лицо Кэролайн медленно озарилось улыбкой. – Можешь покататься.

– Когда? – Сэм даже дыхание затаила.

– Завтра. А почему бы и нет?

6

Утром, выпрастывая ноющее тело из простыней, Саманта лишь несколько первых мгновений кривилась от боли. Затем она неожиданно припомнила свой разговор с Кэролайн, и ей все стало нипочем: она ринулась в душ и даже не поморщилась, когда горячая вода забарабанила по ее плечам и голове. В то утро она даже на завтрак не пожелала тратить времени. Наплевать на еду! Во всяком случае, сегодня! Надо только выпить на кухне чашечку кофе и – бегом в конюшню! При одной лишь мысли об этом Саманта расплылась в улыбке. Ни о чем другом она сейчас думать не могла. И когда она подбегала к конюшне, улыбка по-прежнему сияла в ее глазах. В углу тихонько беседовали двое мужчин, больше в конюшне никого не оказалось. Было слишком рано, и большинство работников еще не появились здесь. Они завтракали и пытались окончательно проснуться, взбадривая себя местными сплетнями и разговорами о делах на ранчо, которые обычно велись в столовой.

Саманта тихонько, почти украдкой взяла седло Черного Красавчика и направилась к его стойлу. Но тут же поймала на себе взгляды мужчин, один ковбой даже брови поднял. Они прервали беседу и смотрели на нее с молчаливым вопросом. Она так же молча им кивнула и проскользнула в стойло. Вполголоса успокаивая коня, Саманта провела рукой по длинной, грациозной шее и потрепала его по мощному крупу; Красавчик смотрел на нее сначала нервно, пятился и поворачивался боком, но затем остановился, словно решив обнюхать воздух возле того места, где стояла Саманта. Она повесила седло на дверь и, накинув жеребцу на голову уздечку, вывела его из стойла.

– Мэм! – окликнули ее, когда она обвязывала поводья вокруг столбика, чтобы ей было удобно оседлать Черного Красавчика.

Саманта обернулась, желая посмотреть, кто к ней обращается. Это оказался один из двух наблюдавших за ней мужчин, и она только сейчас сообразила, что он близкий друг Джоша.

– Мисс Тейлор! – снова воскликнул он.

– Да?

– М-м... вы что, собираетесь... нет, я не имею в виду... – Он был смертельно напуган и явно обеспокоен.

Сэм лучезарно улыбнулась ему в ответ. В то утро волосы ее свободно спадали на спину, глаза блестели, лицо порозовело от декабрьского морозца. Она была несказанно прекрасна и, стоя рядом с угольно-черным жеребцом, напоминала миниатюрную белогривую лошадку.

– Все в порядке, – поспешила успокоить мужчину Саманта. – Мне разрешила мисс Лорд.

– Ух ты!.. Мэм... а Тейт Джордан это знает?

– Нет, – Саманта решительно помотала головой. – Он не знает. И я не вижу оснований ему докладывать. Черный Красавчик принадлежит мисс Кэролайн, разве не так? – Мужчина кивнул, и Сэм снова одарила его ослепительной улыбкой. – Тогда нет причин для беспокойства.

Мужчина поколебался, но затем пошел на попятную.

– Да, наверное... – Но тут же спросил, тревожно нахмурившись: – А вы не боитесь на нем ездить? Знаете, какая силища в этих длинных ногах!

– Держу пари, и он это знает! – Саманта одобрительно, предвкушая удовольствие, взглянула на ноги Красавчика и положила ему на спину седло.

Кэролайн приобрела для Черного Красавчика не только западное, но и английское седло, и именно его сейчас и надела на коня Саманта. Казалось, и ему приятно ощущать соприкосновение с гладкой коричневой кожей; английское седло было полной противополо-

ложностью неудобному западному, в котором Саманте пришлось ездить в последние два дня. Она привыкла к английскому седлу, так же как и к вполне определенной породе лошадей, на которых ей часто доводилось ездить, однако такой прекрасный конь, как этот, был бы редким подарком для любого наездника.

Оседлав Красавчика, Саманта потуже затянула подпругу, и тут один из ковбоев нерешительно приблизился к ней и помог взобраться на гигантского черного жеребца. Почувствовав на своей спине седока, Черный Красавчик нервно загарцевал, но Саманта крепко натянула поводья и, кивнув ковбоям, поспешно вывела коня на двор. По пути к первым воротам он несколько раз вставал на дыбы и пытался уклониться в сторону, но Сэм все же вывела его со двора и позволила перейти на рысь, которая быстро превратилась в галоп, когда они поскакали по полям. На небе к тому времени уже показались первые признаки рассвета, и вокруг пепельных волос Саманты возник золотистый ореол. Зимнее утро было великолепным, она ехала на великолепной лошади, равной которой у нее еще никогда не было... По лицу Саманты невольно расплылась улыбка, и она скакала на Черном Красавчике все быстрее и быстрее. Сэм в жизни не испытывала такого чувства свободы; это было похоже на полет, они мчались вперед, как бы слившись в единое целое... У нее сложилось впечатление, что прошел не один час, прежде чем она заставила коня изменить направление и, чуть осадив его, повернула домой. Этим утром ей еще предстоит отправиться на работу вместе со всеми, а она пропустила завтрак ради того, чтобы прокатиться на этом сказочном коне... До главного здания оставалось не больше четверти мили, и Саманта не смогла удержаться от искушения: она заставила могучего жеребца перепрыгнуть через узкую речушку. Он легко с этим справился, а она потом заметила неподалеку Тейта Джордана, который ехал на своем красивом черно-белом пинто и свирепо сверкал на нее глазами. Саманта слегка осадилась Красавчика, повернула в сторону Джордана и поскакала к нему. На мгновение ей захотелось вызвать его на состязание и продемонстрировать свое умение ездить верхом. Но она поборола этот соблазн и просто понеслась к нему с ликующим видом на спине прекрасного жеребца. Понемногу она заставила Красавчика перейти на рысь, и, когда они поравнялись с Тейтом, конь уже весело гарцевал под ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.